

Юлия Цыпенкова

ТОНКИЙ ЛЕД

16+

Юлия Цыпленкова

Тонкий лёд

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67050276

SelfPub; 2022

Аннотация

Странное дело! Светское общество Данбьерга потрясено до крайности. Сам властитель этой провинции ищет себе невесту, и только подумайте, кого выбрал! Бесприданницу! Переспелую девица из обнищавшего рода – эту выскочку Берлуэн! И за что только ей такая честь?

Агнара Флоретта Берлуэн тоже была бы не прочь узнать причину. Она не может похвастаться ни красотой, ни знатностью рода, ни его состоянием. Однако выбор д'агнара Альдиса пал на нее. Жених столь щедр с семейством невесты, что невольно закрадывается вопрос – за что же платит сиятельный диар?..

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	22
Глава 3	42
Глава 4	63
Глава 5	88
Глава 6	118
Глава 7	159
Конец ознакомительного фрагмента.	178

Юлия Цыпленкова

Тонкий лёд

Глава 1

За окном шел дождь. Мелкий, противный дождь, от которого душа наполнялась тоской. Хотелось закутаться в теплую шаль, свернуться клубком в любимом кресле и смотреть на огонь в камине. Или же порезвиться с близнецами, которые сейчас, конечно, веселятся, играя в салочки в галерее в другом крыле особняка. А можно было бы и вовсе посидеть рядом с братом, обсудить с ним недавно прочитанную книгу, но я стояла в бордовой гостиной, от сочного цвета которой осталось одно воспоминание, и усердно прятала взор, избегая смотреть на нежданного посетителя.

В потертом кресле, знавшем лучшие времена, вольготно расположился незнакомый мне мужчина. Судя по одежде, он не был стеснен в средствах так, как наше семейство. Мой взгляд украдкой скользил по носам его начищенных до блеска сапог и тут же бежал прочь, чтобы спрятаться под ресницами. Мужчина сидел, закинув ногу на ногу, постукивая по колену сжатыми в правой руке перчатками. В отличие от меня, визитер взгляда не прятал, и это удручало.

Я позволила себе на мгновение поднять голову, взгляну-

ла на надменное лицо мужчины и снова потупилась, отчаянно краснея. Его серые глаза смотрели равнодушно, и мне вдруг показалось, что наш гость скажет: «Покажите весь товар», – но он, разумеется, этого не произнес. Я снова стрельнула глазами, заметила поджатые губы, затем квадратный волевой подбородок, и поспешила опустить взор на его черные перчатки из тонкой мягкой кожи. Вскоре я уже зачарованно следила за движением перчаток. Чуть вверх, снова вниз, чуть вверх, снова вниз. Шлеп-шлеп, шлеп-шлеп по колену, затянутому в светлые бриджи для верховой езды. Шлеп-шлеп...

– Очарован, – неожиданно произнес мужчина и поднялся с кресла.

Я подняла на него удивленный взор. Лицо его по-прежнему было бесстрастно, взор равнодушен. Визитер подошел ко мне, протянул руку и, взяв за подбородок, приподнял голову. Теперь я была вынуждена смотреть на него. Сердце от испуга замерло, когда холодные серые глаза заглянули, казалось, в самую душу. Я непроизвольно дернулась, и мужчина убрал руку от моего лица. Даже тень улыбки не тронула губ незнакомца.

Он посмотрел на моего папеньку, застывшего подобострастным изваянием у разохшегося клавесина.

– Завтра жду в своем поместье, – сказал наш гость, развернулся и покинул гостиную, уже не замечая папенькиных кивков.

Я проследила взглядом за родителем, он сорвался с места

и теперь спешил проводить странного и пугающего визитера. И когда дверь за обоими мужчинами закрылась, провела рукой по вмиг взмокшему лбу и протяжно выдохнула:

– У-уф

После поспешила к окну, выходящему на парадную лестницу. Вскоре появился незнакомец, и мне только пришло в голову, что представлены мы были друг другу как-то одно-сторонне:

«А вот и моя старшая дочь», – пропел папенька, когда я вошла в гостиную по его повелению. «Фло, приветствуйте нашего гостя». Вот и все.

Визитеру подвели мощного темно-рыжего жеребца, он легко запрыгнул в седло и поднял взгляд вверх, я тут же поспешила спрятаться за тяжелую гардину. А когда выглянула снова, всадник уже мчал прочь, а папенька смотрел ему вслед. Величавой осанки незнакомца я не могла не отметить. Впрочем, на этом все мое любование им и закончилось. В остальном, я чувствовала невероятное облегчение, что он покинул нашу усадьбу.

В гостиной меня более ничего не удерживало, и я поспешила покинуть ее, чтобы воплотить свои недавние мечты в жизнь. Однако не успела сделать и десяти шагов прочь от двери, как услышала оклик родителя:

– Дочь, задержись. У меня для тебя радостное известие.

Покорно склонив голову, я вернулась назад. Подошла к креслу, в котором совсем недавно сидел незнакомец, и при-

села на его краешек, смиренно сложив руки на коленях. Мой взгляд не отрывался от лица папеньки, довольно потиравшего руки. Родитель подошел ко мне вплотную, сжал плечи, звонко поцеловал в щеку и воскликнул, распрямляясь:

– Сокровище мое! – после упал в соседнее кресло и удовлетворенно вздохнул. Я ждала, когда он пояснит мне свою радость и мою к ней причастность. Но на устах родителя блуждала мечтательная улыбка, и продолжать разговор он не спешил. Я вежливо кашлянула, напоминая о своем присутствии. Агнар Динор Берлуэн поднял на меня взор светло-зеленых глаз и провозгласил: – Дочь моя, вы выходите замуж.

Жениха у меня отродясь не было, если не считать детской влюбленности сына нашего прежнего дворецкого, покинувшего приходящее в упадок поместье еще год назад. Впрочем, к тому времени его отпрыск уже благополучно сбежал с бродячими актерами, влюбившись в милую девушку из их труппы. Что же до детской влюбленности в меня, то она благополучно миновала еще десять лет назад, а иных поклонников и заинтересованных во мне мужчин рядом не имелось. И причиной тому стало наше бедственное положение. Бесприданница, не обладающая ни яркой красотой, ни древним знатным родом, оказалась никому не нужна, и я благополучно перешла из девиц на выданье в разряд старых дев.

– Да разве же я нужна кому-то, папенька? – спросила я, не скрывая изумления.

– Ты имела честь познакомиться с ним не более четверти

часа назад, – улыбнулся родитель.

Я тут же вспомнила равнодушный взгляд холодных глаз недавнего визитера и изумилась еще больше. Да разве же может понадобиться в жены богатому аристократу столь бедная дворяночка, как я? Если бы Мать Покровительница одарила мое лицо живыми красками, сделав красавицей, я бы могла еще предположить, что это прихоть обеспеченного человека, который может позволить себе не беспокоиться приданным невесты. Но мои блеклые черты не позволяли возомнить о себе столь высоко.

– Это, должно быть, какая-то жестокая шутка, папенька, – осмелилась я усомниться вслух.

– Никаких шуток, дитя мое, – просиял агнар Берлуэн. – Это настоящая удача! И ты должна сейчас пасть на колени и благодарить Мать Покровительницу за то счастье, что она послала нам. Такой жених, такой жених!

Родитель вновь замолчал, упиваясь своей радостью. Я же, напротив, нахмурилась. За кого же мне благодарить Высшие силы, если я даже не знаю имени напугавшего меня мужчины? Об этом я не замедлила сообщить агнару Берлуэну. Он вернулся с небес на землю и одарил меня возмущенным взглядом.

– Как это ты не знаешь, кто посетил нас?! – воскликнул родитель.

– Вы забыли представить мне вашего гостя, – напомнила я, и глаза его увеличились еще больше, напугав мыслью, что

они сейчас вовсе вылезут из орбит.

– Таких людей нужно знать, Флоретта, – наконец отчеканил папенька.

Весьма странное утверждение. Откуда же мне знать всех наших соседей в лицо, если я никуда не выбираюсь? Подругу у меня не было, а та единственная, с кем мы делили детские шалости, уже растила двух очаровательных малышей, и до меня ей не было никакого дела. Так что в гости я не выбиралась, да нас и не спешили куда-то звать, а если бы и позвали, то папенька первым дал отказ. Потрепанный вид нашего обнищавшего семейства вызывал насмешки и сочувствие. Терпеть и первое, и второе – было до невероятности тяжело. На ярмарки и празднества мы также не выбирались, без денег на них делать нечего. Потому папенькино негодование было несправедливо.

– Да будет вам известно, агнара Берлуэн, что вы удостоились чести лицезреть хозяина всего этого, – родитель обвел широким жестом пространство вокруг себя, и я поняла, что он говорит о землях. – Вашей руки попросил сам д’агнар Аристан Альдис, диар Данбьерга! Фло, это же дар Покровительницы, истинный дар! Вы станете д’агнаркой Альдис, супругой властителя всего Данбьерга, это ли не удача, дитя мое?!

Папенька вновь впал в восторженное состояние, а я застыла на месте, кусая губы. Такого просто не могло быть, и все это сон или же чей-то глупый и жестокий розыгрыш. Сам

диар Данбьбергских земель решил жениться на агнаре из бесславного обнищавшего рода? Но это же чушь! Полнейшая чушь и никак иначе. Однако агнар Берлуэн продолжал пребывать в поднебесных высях, и я осмелилась спросить:

– Что за нужда д’агнару Альдису в переспелой девице, не имеющей ни приданого, ни очаровательной внешности? Не может ли тут быть ошибки, папенька?

Родитель сердито посмотрел на меня, а после поднялся на ноги.

– Завтра я отправляюсь в поместье диара, там мы обговорим все, что касается вашей свадьбы, таково было его желание. Надеюсь, это уверит тебя в твоём счастье.

Агнар Берлуэн вышел, оставив меня в смятении чувств и мыслей. Известие оказалось невероятным, ошеломляющим, но отчего-то больше пугающим. И более всего страшило непонимание выбора сиятельного диара. Безусловно, как и любой девице, мне грезилось, что мой избранник будет непременно любить меня, но в случае с д’агнаром Альдисом речи о чувствах идти не могло. Он увидел меня впервые, как и я его. И, судя по его отрешенному взгляду, мой облик оставил мужчину равнодушным, и тут обманывать себя я не желала.

Вздохнув, я поднялась с кресла и подошла к напольному зеркалу, поверхность которого подернулась пылью. Прислуги было слишком мало, чтобы успевать следить за всеми комнатами в доме. Я замерла перед зеркалом, рассматривая

себя придирчивым взглядом. Отражение не явило мне ничего нового. Излишне бледная кожа, невыразительные черты лица, почти лишенные здорового румянца, светло-зеленые глаза, как у папеньки. Брови, приподнятые в вечном удивлении, нос уточкой, пухлые губы, не имеющие четкой линии, острый подбородок. Русые волосы стянуты в простой строгий пучок. В ушах маменькины сережки без единого драгоценного камня – вот и все мои украшения. Серое, как и я сама, платье скрывало широкие бедра, которых я отчаянно стыдилась, потому что они напоминали мне формы крестьянки. Когда-то моя нянюшка говаривала, что с моим сложением рожать будет легко, но меня это мало утешало. Хотелось изящную аристократическую фигуру, но всякого изящества я была лишена вовсе.

«Очарован», – сказал диар. Какая бессовестная ложь! В его глазах не мелькнуло и искры хоть малейшей заинтересованности. Он рассматривал меня так, словно приобретал новую коляску. И это было унижительно... Ох, Великая Мать всего сущего, как бы мне хотелось заглянуть в голову человека, который берет в жены безвестную бесприданницу из обнищавшего рода. Зачем тому, кто может выбрать себе невесту среди блистательных дочерей высокородных семейств, понадобилась девица, на которую диар смотрит, словно на безделушку? Какие цели преследует?

От этих мыслей стало вдруг еще страшней. Разом вспомнились рассказы нашей кухарки Лирии, приносившей в

усадыбу множество сплетен о соседях, заменяя иной раз выезд в общество своей болтовней. О д'агнаре Альдисе ходило множество слухов. Кухарка говорила, что он суров и непримирим, и с этим я была склонна согласиться. Так же поговаривали, что наш диар бывает излишне жестким с неугодившими ему агнарами и простолюдинами. Он не раздумывал долго, принимая решение. Так же Лирия говорила, что его сиятельство собственноручно высек крестьян, пойманных в его лесу с топорами.

Что еще мне было известно о моем неожиданном женихе? Он не так давно перебрался из столицы в собственный диарат, долгое время прожив при дворе Его Величества. Решение д'агнара Альдиса стало неожиданным для всех и всколыхнуло весь диарат. Особенно оживились наиболее знатные дворяне, где имелись дочери на выданье, это я отлично помню. В ту пору было множество разговоров о том, что наш диар, несмотря на свои тридцать четыре года, все еще оставался не женат, и в его огромном поместье нужна женская рука. Кухарка в те дни приносила нам множество сплетен, и мы с братом, а порой и наш папенька, с интересом слушали словоохотливую женщину.

Кажется, прием, устроенный диаром в честь своего возвращения был самым ярким празднеством, которое видел наш диарат за многие годы затишья. Самые лучшие портные тогда сбились с ног, готовя наряды для юных агнар. Как говорила наша кухарка, сам д'агнар ослеп от блеска драгоцен-

ностей, которыми увешали своих дочерей родовитые отцы. Молодые вдовы также не оставляли надежд на новый выгодный брак. Диара очаровывали, соблазняли, пытались вскрыть голову, но он так и не ответил на чаяния своих гостей. Никто из юных агнар после празднества не получил от Аристана Альдиса желанного предложения. Зато получила я. Та, о существовании которой он даже не должен был подозревать.

Как я уже говорила, мы не могли похвастаться достатком. Мой дед был игроком. Он проиграл все, что смог, включая бабушкино приданое, и застрелился, оставив свои долги жене и сыну, моему папеньке, не достигшему тогда еще и шестнадцати лет. Бабушке пришлось продать все свои драгоценности и часть земель, чтобы расплатиться с кредиторами и не оказаться на улице. Умерла она рано, еще до моего рождения. Здоровье бедной женщины было сильно подкошено несчастьями, обрушившимися на ее голову. Папеньке, из всего, чем владели наши предки, досталось лишь это поместье, сильно уменьшившееся после расплаты с кредиторами. Доход получать стало не с чего.

Не поправила дело и женитьба папеньки на дочери коммерсанта, соблазненного дворянским титулом для своей дочери, моей маменьки. И как агнар Берлуэн ни пытался быть экономным, но средства, полученные им за маменьку, подходили к концу. Из прислуги у нас остались кухарка, она же прачка, немолодая горничная, которой некуда было ид-

ти, ей помогала девочка-сирота. Днем она работала по дому, вечерами играла с моими сестрами-близнецами. Границы неравенства между тремя подругами были сильно размыты, и только старшая горничная заставляла свою маленькую помощницу называть девочек агнарами. Когда же они оставались наедине, общение сильно упрощалось.

Был еще сторож, он же дворник и помощник на кухне – старик Эггер. Он всегда был ворчуном, сколько я его помнила. У Эггера имелся один несомненный талант – он умел красиво вырезать из дерева. У меня до сих пор хранилась собачка, когда-то выструганная для меня ворчуном-дворником. Собачка сидела на задних лапах, сложив на груди передние, и была точной копией дворняжки, жившей в дворницкой. Пустобрёха была жуткой попрошайкой, это как раз и запечатлел Эггер.

Мы все любили добродушную собачонку. И когда она умерла, сильно горевали. Особенно мой брат – агнар Артиан Берлуэн. Артиан младше меня на два года, и смерть Пустобрёхи потрясла его. Помню, как успокаивала его, говоря, что теперь наша собака ест с рук самой Матери Покровительницы. Мы долго фантазировали, представляя, как Пустобрёшка стоит перед Богиней на задних лапках, и та дает ей со своего стола лучшие кусочки собственных яств. Брату так это понравилось, что плакать он перестал, радуясь за любимую собаку.

А теперь Артиан стал совсем взрослым, и уже он успо-

каивал меня и наших сестер, когда мы были чем-то огорчены. При мысли о брате сердце болезненно сжалось. Он был в том возрасте, когда молодые люди увлекаются, делают глупости, влюбляются, наслаждаются прелестями жизни, женятся. Артиан же почти нигде не бывал, стыдясь нашей бедности. Выбирался из поместья только по надобности и спешил назад, как только дела были завершены. Даже одежду он носил папенькину, потому что пошить молодому агнару новых костюмов было не на что. Насмешки и злые ухмылки злили Артиана до невозможности, но он был вынужден держаться, чтобы не стать еще большим посмешищем.

Что до моих сестер, то они пока были слишком малы, чтобы до конца понять свое плачевное будущее. Когда папенька смотрел на близнецов, на его лице было написано уныние. Девочки росли, донашивали мои платья, беззаботно играли и веселились, но что ждет их, когда придет пора выходить замуж? Ничего хорошего. Еще две бесприданницы, которые никому не будут нужны. Впрочем, если я оставалась рядом с папенькой, исполняя по дому обязанности маменьки, почившей от сильной простуды еще пять лет назад, то мои сестры смогут наняться компаньонками в более обеспеченные семьи, или же пойти преподавать в школу для дочерей бедняков. И возможно, судьба подарит им супругов и более счастливую жизнь. Впрочем, теперь у нашей семьи появилась надежда в лице диара Данбьергского. Коли папенька так радуется, должно быть, у него есть определенные надежды. И раз

уж я могу помочь своему семейству выгодным замужеством, то не стоит раздумывать, нужно покорно принять свой жребий и выйти замуж за человека, для которого навсегда останусь всего лишь купленной им вещью.

– Как же все это досадно и унижительно, – скривилась я.

Однако совсем безропотно принять свою участь никак не выходило. Меня пугал этот брак и больше всего непониманием, что движет выбором диара. Но я могла предположить, что он желает иметь скромную послушную супругу, которая будет чувствовать себя благодарной уже за то, что ее выбрал сам хозяин диарата. Что же, если это так, то я могу поклясться, что буду до конца жизни благодарной ему, если наш брак, действительно, поможет моим родным выбраться из той ямы, в которой мы находимся по вине моего деда. Если диар пожелает, чтобы ценой благодарности стало мое малое участие в его жизни, то я приму и это. Мать Покровительница, да я с превеликим удовольствием сведу наши встречи с супругом к минимуму и постараюсь не тревожить его покоя. Если диар искал неприхотливую жену, то и тут я не подведу его. Мне ли иметь капризы, о чем-то просить или укорять? Я стану маленькой мышкой, лишь бы не видеть надменного лица и не чувствовать на себе равнодушный взгляд Аристана Альдиса.

Передернув плечами, я поспешила к своему брату, чтобы рассказать ему новости. Разумеется, Артиан не станет меня отговаривать. Как бы младший агнар Берлуэн ни лю-

бил меня, он слишком разумен и слишком устал от постоянных насмешек глупых и заносчивых сверстников, не упускающих случая уколоть бедствующего дворянина. Порой мне даже хотелось, чтобы Богиня наказала острословов, послав им те же испытания, через какие приходится проходить моему брату.

Моя душа кипела от гнева, когда я думала о злых людях, лишенных сочувствия к ближнему. И ведь семьи тех, кто смеет издеваться над нами, известны, как добропорядочные воспитанные люди. Так неужели их души настолько черны, что ради того, чтобы снискать чье-то уважение, они будут дарить старую одежду беднякам, жертвовать деньги приютам, но не смогут удержаться, чтобы просто не заметить менее удачливых собратьев? Отчего бы им не отвернуться, когда Артиан или мой отец проходят мимо? Зачем смотреть им вслед, осыпая градом низких острот? К чему их яд?

От этих мыслей исчез страх перед будущим супружеством, и я почувствовала себя уверенней, подумав, что даже если диар просто отделается некоторой суммой, которую даст старшему агнару Берлуэну, то я сама попрошу у него вместо свадебного подарка жениха невесте, чтобы д'агнар Альдис пристроил моего брата на хорошую должность. И это станет моей единственной просьбой за всю нашу совместную жизнь.

Постепенно я окончательно успокоилась, найдя несомненные плюсы в выборе диара, а о странности этого выбора

решила, что думать не буду. Как не буду вспоминать о холодном взгляде. Пусть он будет равнодушен, лишь бы не стал брезглив. Пожалуй, это выдержать было бы сложно. Равнодушные – это покой, брезгливость – унижение. Я и так чувствовала себя купленным товаром, к тому же меня не оставляла мысль, что стала выбором без выбора.

В Данбъергском диарате жили благополучно. Среди дворянских семей, конечно, были среди них не слишком богатые, но из нищенствующих только мы. Впрочем, реши диар взять супругу из любого родовитого семейства, она была бы счастлива, и вряд ли бы благородная девица стала перечить своему супругу. Но он пришел к тем, кто оказался на самом дне. Так, может, я не разгадала намерений д'агнара Альдиса? И его нужда в такой жене, как я, имеет иное основание?

– Флоретта, прекрати, – одернула я себя. – Так ты можешь надумать и вовсе, что диар питается девственницами.

Усмехнувшись собственным словам, я нашла их даже в чем-то разумными. Такими ледышками живые люди не бывают. Бр-р.

– Ну это уж и вовсе крайности! – воскликнула я, сердито топнув на саму себя ногой.

– Что за крайности, сестрица? – Артиан вышел из своей комнаты. – Что-то случилось? Я видел, что приезжал диар, но отец дал понять, что мое присутствие при встрече высокогородного гостя излишне.

– Он уже уехал, – ответила я, подходя к брату. – Позво-

лишь?

Артиан посторонился, пропуская меня в свою комнату. Я увидела тазик с водой и тряпку, брат наводил чистоту. Да, этому мы тоже уже научились, иначе бы давно заросли грязью, требуя от престарелой женщины успевать делать больше того, что было в ее силах. В эту минуту я даже испытала нечто вроде радости от скорого замужества.

– Дагнар Альдис просил моей руки, – ответила я, присаживаясь на краешек кресла, заваленного книгами, агнар Берлуэн протирал книжный шкаф.

Брат, вернувшийся к своему занятию и теперь отжимавший тряпку, выронил ее обратно в таз и, обернувшись, с недоверием поглядел на меня. Я испытала смесь гордости и обиды, слишком много было скептицизма во взгляде Артиана, осмотревшего меня с ног до головы.

– Тебя? – переспросил он, и я кивнула. – Замуж?

– Что тебя смущает, братец, – чуть раздраженно спросила я. – Разве ты не видишь моей красоты и не считаешь завидной невестой?

– Ты миленькая, – улыбнулся младший агнар Берлуэн. – И, разумеется, столичному хлыщу повезло, что он отхватил столь лакомый кусочек. Я просто удивлен, откуда он прознал о том, что такое чудо скрывается в нашем поместье, затерявшемся среди лесов.

– Должно быть, ему нашептали белки, – совершенно серьезно ответила. – А может, олень, когда диар прицелился

в него из ружья, обменял свою жизнь на тайну моего существования в чащобе Данбьергского леса.

– Какие, однако, болтливые животные в нашем лесу, – рассмеялся брат, и я не удержалась от улыбки – смех Артиана был до невозможности заразительным. Отсмеявшись, братец снова взглянул на меня. – И все же странный выбор у нашего диара.

– Не могу не согласиться, – усмехнулась я уже невесело. – Не пойму, зачем я ему понадобилась. Но наш папенька невероятно счастлив. Должно быть, диар обещал ему некую сумму за дочь. Как видишь, не такая уж я и пропащая, мне тоже нашлась цена.

Артиан поджал губы, испытующе глядя на меня.

– Это большая удача, не правда ли, братец? – спросила я, но голос вдруг дрогнул, и слезы навернулись на глаза.

Глупая и ненужная слабость. Мне сейчас полагается прыгать от радости, а не лить слезы. Перезрелую девицу без приданого берет в жены родовитый аристократ. Дар небес, верно сказал папенька, а я, как глупейшее создание, вдруг решила разреветься. Брат тут же оказался подле меня. Он присел на корточки, взял мои руки в свои ладони и заглянул в глаза.

– Диар хорош собой, разве он тебе совсем не понравился? – спросил Артиан. – К тому же невозможно богат. Ты выберешься из нашей нищеты. Неужели тебе вовсе не лестно, что ты станешь диарой Данбьергской?

– Ах, что ты, братец, – улыбнулась я и, освободив одну

руку, вытерла непрошенные слезы. – Меня радует, что это замужество поможет нашему семейству. Надеюсь на это. Просто... Просто д'агнар Альдис напугал меня своей холодностью. Я даже не заметила, что он хорош собой. Разве красота может быть надменной? Она согревает душу, а не замораживает ее.

Брат удивленно округлил глаза.

– Фло, Богиня с тобой! – воскликнул он. – Да знаешь ли ты, как увиваются вокруг него дамы, желая получить благосклонность диара? Проклятье... – Артиан вдруг помрачнел. – Когда станет известно, что он женится, и, главное, на ком женится, ряженные клуши тебя заклюют. Впрочем, он мужчина серьезный и здравомыслящий, потому непременно оградит свою супругу от нападок, иначе зачем бы ему жениться? И все же... Как все странно.

Брат поднялся на ноги, выпустил из захвата вторую мою руку и прошелся по комнате, о чем-то размышляя. После обернулся ко мне и произнес:

– Поговорю-ка я с отцом. Возможно, что-то и прояснится.

– Непременно потом расскажи мне, что ответит папенька, – попросила я, поднимаясь с кресла.

Артиан кивнул, и мы покинули его комнату. Я отправилась искать близнецов, а младший агнар Берлуэн поспешил к Берлуэну-старшему.

Глава 2

Наша жизнь начала меняться. И, признаться, до тех пор, пока в нашем скромном поместье не появился модный портной со своими многочисленными шумными помощниками, я так до конца и не верила в реальность намерений диара. Дом заполнился громкими разговорами, движением, ароматом дорогого одеколона, шуршанием распаковываемых коробок, распоряжениями портного, явно чувствовавшего себя едва ли не хозяином вселенной.

Отец ощущал заметную неловкость и робел перед важным гостем, намного ниже его по рождению. Привыкший общаться со знатными особами, инар Рабан держался с нами покровительственно и чуть насмешливо. Он был лучшим в своем ремесле и знал об этом, потому мог позволить себе подобный тон. К тому же оплачивал труды почтенного инара диар, а мы стали лишь безмолвными куклами, на которые портные надевают свои платья в витринах магазинов.

Инар Рабан собрал все наше семейство в Бордовой гостиной, за чистотой которой неизменно следили, выстроил нас в ряд, после подпер ладонью подбородок и задумчиво осмотрел по очереди каждого.

– Агнара Берлуэн, выйдите вперед, – велел портной.

Я сделала несмелый шаг и замерла, дергая манжет своего платья. Инар поджал губы, приблизился ко мне и удрученно

вздохнул.

– Дорогая агнара, серый совершенно не ваш цвет, – произнес он. – Он делает вас невозможно безликой. Как можно так безвкусно подбирать наряды?

«Очень просто, дорогой инар, – хотелось мне ответить. – Если бы мы могли себе позволить выбирать, возможно, я бы посещала вашу лавку собственной персоной, и вы бы помогли мне подобрать мои цвета, пошили мне гардероб, и я бы не робела перед простым портным настолько, словно он не портной, а король».

– Итак, – мастер потер руки и щелкнул пальцами. Его подручные, замершие в неподвижности, пока их хозяин рассматривал нас, разом отмерли и стали похожи на псов, взявших след. – Мальчики, мне нужен красный и все его оттенки, какие есть. Еще зеленый, лучше нежного оттенка, под цвет глаз агнары Берлуэн. Подайте голубой, синий и розовый, но розовый не должен быть блеклым. Никаких блеклых цветов, нам нужны яркие краски! К зеркалу! – это уже было сказано мне, и я поспешила исполнить приказ инара.

Я замерла перед напольным зеркалом, нервничая все больше. Губы, которые я покусывала все это время, горели огнем, припухли еще больше и покраснели.

– Дитя, что за страх и смущение я вижу в ваших глазках? – всплеснул руками портной. – Доверьтесь мне, и я сделаю из вас настоящую красавицу! Д’агнара Альдис будет покорен, уж можете мне поверить.

Я окончательно смутилась и покраснела столь сильно, что огнем опалило даже уши. Инар Рабан тут же недовольно поцокал языком.

– Немедленно успокойтесь, агнара Берлуэн, и верните ваш природный цвет лица! – воскликнул он с негодованием. – Как мне подобрать вам правильные оттенки ткани, если вы похожи на перезрелый помидор? Это же совсем иные цвета! Немедленно возьмите себя в руки.

– Можно мне выйти на воздух? – севшим голосом спросила я.

– Идите, – небрежно махнул рукой инар Рабан. – Мы пока разберемся с вашими родными. Агнар Берлуэн, займите место вашей дочери.

Уже выходя из гостиной, я услышала голос портного:

– До чего же ваша дочь впечатлительна, агнар Берлуэн.

– Флоретта не привыкла к столь пристальному вниманию к своей персоне, – ответил папенька, и большего я не слышала, спеша оказаться на улице.

Здесь меня встретила новая неожиданность. К нашему дому подъехали телеги, груженные кирпичами, досками, какими-то инструментами. На одной из них сидел пузатый инар в коричневом сюртуке и картузе. Завидев меня, он вскинул руку и крикнул:

– Лапушка, позови-ка мне кого-нибудь из хозяев!

– Доброго дня, уважаемый инар, – ровно поздоровалась я, простив ему то, что меня посчитали служанкой. – Вы уже

разговариваете с дочерью хозяина.

– Ох, – толстяк слез с телеги, стянул картуз с головы и поклонился. – Доброго дня, агнара Берлуэн. Где мы можем все это свалить? Диар Альдис сказал, что для нас есть работенка, не могли бы вы указать, что нужно делать?

– Я позову отца, – ответила я, растерянно глядя на телеги и несколько рабочих, ожидавших распоряжений.

Однако диар был более чем щедр. Когда папенька вернулся из его поместья на следующий день после смотрин, он был задумчив, и я даже подумала, что д’агнар передумал, и свадьба отменяется. Не скажу, что сильно расстроилась. Скорей, подумала, что теперь все верно... Однако диар всего лишь велел обдумать и составить перечень работ, которые папенька посчитает нужными.

– Д’агнар Альдис велел обойтись без ложной скромности, – со значением произнес родитель, словно ожидал, что я сейчас захлопаю в ладоши, оценив щедрость жениха.

Я же подумала, что моя цена растет на глазах, и в который раз задалась вопросом: что же мне уготовано? Что именно сейчас оплачивает диар? Только ли здесь желание, чтобы его новая родня прекратила свое бедственное существование? И ответа, разумеется, не нашла. Зато получила новый повод для тревог.

Никакой ясности не внесла и беседа брата с папенькой. Старший агнар Берлуэн возмутился подозрительностью сына и объявил, что диар имеет отличный вкус и берет в же-

ны не вертлявую избалованную девицу, жеманную и привыкшую к вниманию, а скромную девушку, не испорченную светом.

– Это разумный выбор взрослого мужчины, который знает, какую женщину он хочет видеть рядом с собой, – так закончил свою речь папенька, и Артиану пришлось удовлетвориться таким ответом, найдя его разумным. Следом согласилась и я.

Так, мучаясь неизвестностью и непониманием, я продолжала ожидать собственной свадьбы. И вот теперь поместье заполнилось посторонними людьми, оживившими его и перепугавшими обитателей нашей небольшой усадьбы.

– Ждите, – велела я толстяку в картузе и поспешила обратно в дом.

Однако не успела войти, как инар Рабан воскликнул:

– Ну наконец-то, дорогая агнара Берлуэн! Я уже заждался вас. Все-таки вы наше главное блюдо... Опять?! – возопил портной, глядя, как я снова заливаюсь краской. – Ну сколько же можно мешать мне работать?!

– Простите, – пролепетала я, едва не забыв, зачем я поднялась. Но обратиться к папеньке мне не позволил все тот же инар Рабан.

– Я пожалуюсь д’агнару Альдису, и он будет журить вас, милая агнара, – погрозил мне пальцем почтенный мастер, приведя этим в окончательное смятение. Отчего-то, несмотря на готовящуюся свадьбу и все мои размышления, я до

конца не воспринимала диара, как человека, которому могут на меня пожаловаться, и он будет меня журить.

Дагнар Альдис оставался кем-то далеким. Я уже привыкала к нему, но все еще никак не сопоставляла с близким для меня человеком, пусть и в недалеком будущем. Рассердившись на портного за то, что он так легко приводит меня в растерянность, я посмотрела на старшего агнара Берлуэна и все-таки сообщила ему:

– Приехали строители, они ожидают вас, папенька.

– Ох, уже? – воскликнул родитель и стремительно покинул гостиную.

Мои сестры уже весело болтали с помощниками инара Рабана, брат сидел в кресле, с интересом поглядывая в нашу с мастером сторону.

– И что вы мне скажете, дорогая агнара?

– Что? – переспросила я, глядя на мужчину.

– Вот и я спрашиваю: что? – он вскинул руки к потолку театральным жестом. – Буду ли я осчастливлен сегодня возможностью заняться вами? Снять мерки с ваших родных было до невозможности просто, а что мне делать с вами? Должно быть, мне все-таки придется пожаловаться на вас высокородному диару.

– Снимайте ваши мерки, – раздраженно ответила я и раскинула руки в стороны.

– Ах, какая злая агнара, – хмыкнул инар Рабан, и мое лицо снова запыхало. – Нет, это невыносимо! – воскликнул муж-

чина. Теперь сердито на меня смотрел он. – Я не привык к такому возмутительному отношению ко мне и моей работе. Я пытаюсь украсить вашу серость, агнара Берлуэн, дать вам то, чем не одарила вас Мать Покровительница, а вы...

– Эй, уважаемый инар, – окликнул его Артиан. – Вам не кажется, что вы переходите границы? Уж не пожаловаться ли диару на вас мне?

Однако мастер лишь мазнул взглядом по младшему агнару Берлуэну, затем посмотрел на меня и снова накрыл пальцами свой подбородок.

– Перестарался, – сказал неучтивый портной. – Теперь вы слишком бледны. Успокойтесь, душа моя, я вовсе не желал вас обидеть. Вы чрезвычайно милое создание, успокаивайтесь немедленно!

Я почувствовала, как дрожит подбородок от сдерживаемых злых слез обиды. Стиснула зубы, не позволяя себе расплакаться, словно маленькая девочка. Подошла к зеркалу и махнула рукой инару Рабану.

– Приступайте.

Из отражения на меня смотрела сердитая девица. Она надулась, поджала губы и прожигала взглядом инара, глядя на него через зеркальное отражение. На щеках ее пылал гневный румянец, и я неожиданно удивилась, обнаружив, что в той девице проглянула твердость и упрямство. И тут же стало стыдно. За что я злюсь на почтенного мастера? Он всего лишь выполняет свою работу, а я и правда мешаю ему.

Вздыхнув, я отвела взгляд от портного, застывшего за моим плечом, опустила руки, до этого скрещенные на груди, и отвернулась к окну, размышляя о том, что задумал папенька, и сколько средств д'агнара Альдиса уже ушло на наше семейство.

– Вот! Ну вот же! – воскликнул инар Рабан. – Ткани.

Последнее относилось уже к подручным. И тут же вокруг меня закружился цветной круговорот. Мне накидывали на плечи то одну, то другую ткань, заворачивали в них, прикладывали к лицу. Инар Рабан что-то диктовал, его подручный записывал. Я потерялась во всем этом творческом безобразии, перестав понимать что-либо. И если поначалу я прислушивалась к словам портного, то вскоре стояла, отупело глядя на мельтешение лиц, цветов и тканей, улавливая лишь отдельные фразы – прогулки... костюм... охота... диар приказал... гардероб... бальное... белье...

– Что – белье? – очнулась я, испуганно вцепившись в ворот своего платья.

– Вам нужно новое белье, агнара Берлуэн, – ответил инар Рабан, прекратив на мгновение сводить меня с ума безудержным мельтешением.

– Я не собираюсь раздеваться, – пролепетала я, отступая от него к зеркалу.

– Сейчас, безусловно, но придет время и...

– Нет! – воскликнула я. – Оно никогда не придет, и я не позволю вам...

– Да мне-то что за прок в вашем раздевании? Вот на примерке...

– К-какая примерка?

– Когда ваш папенька привезет вас ко мне в мастерскую, – ухмыльнулся портной. После посмотрел на меня более пристально и вздохнул. – Экая вы слабенькая, душа моя. Иные агнары готовы стоять под дверями моей мастерской в надежде, что я буду возиться с ними, как с вами. А вы уже и утомились.

Инар Рабан всплеснул руками, вздохнул и щелкнул пальцами, провозгласив:

– Продолжаем!

И попытка продолжилась. Меня обмерили вдоль и поперек, снова перепробовали несколько оттенков зеленого, пока почтенный мастер не воскликнул:

– О, вот оно! Это божественно! Пиши...

Когда вся эта разбойничья ватага, увешенная измерительными лентами, тканями, кружевами, которые так же благополучно были приложены ко мне «для полноты картины», исчезла из нашего дома, я растянулась прямо на полу в Бордовой гостиной и объявила:

– Передайте моему жениху, что я умерла в жесточайших мучениях и теперь буду являться ему во снах. О приятных сновидениях сиятельный диар может позабыть.

– Как мило.

– Нет, это не мило. Это кошмар.

– Это необходимость, дорогая невеста.

Я вывернула голову, не поднимаясь с пола, и узрела в дверях того, кого меньше всего ожидала увидеть.

– Кажется, у меня случились галлюцинации, – мрачно пробормотала я.

– Возможно, да, – как-то очень загадочно произнес д’агнар Альдис. – А возможно, и нет. Кто знает...

– Флоретта! – окрик папеньки заставил меня вскочить на четвереньки.

Я уперлась взглядом в ноги в серых брюках, неспешно приблизившиеся ко мне. Следом протопали ноги агнара Берлуэна-старшего. Но прежде, чем папенька достиг своей невоспитанной дочери, руки Артиана уже подхватили меня подмышки и поставили на ноги. Я испуганно ойкнула, отчаянно покраснела и пролепетала:

– Простите меня, я...

– Сестра просто устала, – ответил за меня брат.

– Я заметил, – невозмутимо кивнул диар. – Инар Рабан поработал на славу, я доволен.

Мой возмущенный взгляд скользнул по диару, затем по раздосадованному папеньке и остановился на Артиане, прятавшему ухмылочку. Мой гневный взор достался брату, не предупредившему меня, что у нас появился гость.

– Я не видел, – шепнул брат.

Теперь мы оба устремили взоры на моего жениха. Лицо диара вновь было лишено всяких чувств, и ирония, недавно

слышавшаяся в его голосе, никак не изменила надменного выражения д'агнара Альдиса. Он даже уже не глядел в мою сторону. Диар смотрел на Артиана.

– Агнар Берлуэн, жду вас в своем поместье завтра поутру, – сказал мой жених. – Надеюсь, ваш отец передал вам наш с ним разговор?

– Да, ваше сиятельство, – склонил голову мой брат.

После внимания диара удостоилась и я.

– Я хотел пригласить вас на прогулку, агнара Флоретта, – довели до моего сведения. – Но раз вы устали, не смею и далее тревожить вас. Перенесем нашу прогулку на более подходящее время.

Развернулся и покинул гостиную, более ничего не говоря. Я еще какое-то время смотрела на дверь, а после шумно выдохнула и сразу же жадно глотнула воздуха, сообразив, что не дышала с того самого мгновения, как диар сказал о совместной прогулке. И тут же порадовалась, что инар Рабан вымотал меня до предела. Но учтивость будущего мужа отметила. Он не стал настаивать на своем желании, несмотря на то, что проделал путь до нашей усадьбы с определенным намерением. Это было уже даже приятно. А потом я осознала, что сегодня впервые разговаривала с д'агнаром Альдисом.

– Ох, как неудобно получилось, – прошептала я, хватаясь за горящие щеки, вспыхнувшие при воспоминании о том, в каком виде меня застал диар и что услышал.

– Кажется, ты его позабавила, – попытался успокоить меня брат.

– Теперь я еще и посмешище, – удрученно вздохнула я.

– Глупости, – отмахнулся Артиан. – Лучше отдохни, ты похожа на красного призрака.

– Призраки белые, – возразила я.

– А ты – стыдливый призрак, – хохотнул младший агнар Берлуэн.

Удостоив его сердитого взгляда, я поспешила покинуть гостиную и скрыться в своей комнате, пока не явился папенька, убежавший за диаром, и не начал меня распекать за недопустимое поведение. Однако закрытая дверь не смогла удержать праведный гнев родителя, и он забарабанил в нее кулаком, требуя:

– Флоретта, немедленно откройте своему отцу!

– Фло устала, – донесся до меня голос брата.

– Сначала я пожелаю ей доброй ночи, – кровожадно объявил папенька.

– Отец...

– Молчать, мальчишка!

– Я уже открываю, папенька, – поспешила я к дверям, пока не досталось заодно и брату.

Повернув ключ в замочной скважине, я, отойдя в сторону, повинно склонила голову. Агнар Берлуэн, чеканя шаг, вошел в мою комнату и остановился напротив, заложив за спину руки. Он некоторое время перекатывался с пятки на носок

и обратно, после погрозил мне пальцем и обрушил на меня свой праведный отцовский гнев:

– Это возмутительно, дочь моя! Откуда в вас эти ужасные манеры?! Лежать на полу, да кому такое взбредет в голову? И что за слова вы произнесли вслух? В каком свете вы явили себя вашему жениху и благодетелю? Что если он решит, что вы ему вовсе не подходите? Вы думали об этом?

– Нет, папенька, – вздохнула я.

– В том-то и дело, Фло! – воскликнул родитель, переходя на более домашнее обращение. – Ты ни о чем не думаешь. На нас продолжает сыпаться благодать, а ты хочешь закончить все те чудеса, что выпали на нашу долю, одной своей глупой выходкой?! Немедленно садись и пиши его сиятельству извинения! Немедленно, Фло! Я проверю... Нет! Я сам тебе все продиктую. Садись за стол.

Писать извинения отчего-то совсем не хотелось. В душе моей поднялся странный протест, и негодование заставило вскинуть на сурового родителя возмущенный взгляд.

– Но, папенька, д’агнар Альдис мог бы и уведомить нас о своем появлении, и тогда я бы ждала его в вертикальном положении. Однако же...

– Немедля! – гаркнул агнар Берлуэн, и я поспешила к столу, продолжая внутренне негодовать.

Папенька прошелся по моей комнате, заложив руки за спину, после выдохнул и развернулся ко мне на каблуках.

– Пиши, – произнес он, я послушно обмакнула перо в чер-

нильницу и приготовилась записывать под диктовку. – Драгоценный д’агнар Альдис. Сегодня я предстала перед вами в непозволительном виде, и прискорбие заполнило мое сердце...

Я кривилась, морщилась, фыркала, но выводила папенькины слова, протестуя в душе. Что за обращение? Может, я и не имею столь высокого рождения и вовсе ничего не имею, но мое самоуважение при мне, и оно бунтует против самоуничужения, к которому меня подталкивал родитель, вынуждая молить о прощении за неловкую случайность.

– Молю вас на коленях...

– Это уж вовсе лишнее, – не выдержала я. – Кем я буду в глазах своего жениха?

– Покорной и скромной девицей, осознавшей всю глубину своего проступка, – отчеканил папенька и продолжил диктовать: – Молю вас на коленях о снисхождении...

Дописывала я сие послание, кипя от злости. Однако просушила чернила песком, сердито сдула его, потрясла письмом, едва не измяв его, но агнар Берлуэн ловко выхватил исписанный лист бумаги из моих рук, свернул его и убрал в карман сюртука. После удовлетворенно вздохнул, потер руки и поцеловал меня в лоб, пожелав:

– Добрых снов, дитя мое, вы их заслужили своим послушанием.

И он ушел, а я осталась кипеть от злости и возмущения. Если бы мне позволили самой написать письмо, я бы выска-

залась иначе, но папенька не позволил мне этого, и теперь меня передергивало от раболепия, которым было пропитано послание. Да, я благодарна диару за все, что он для нас делает, но это не означает, что я готова унижаться! К чему это? Я и так девица не скандальная, и знаю, что такое совесть и послушание. Разве не этого д'агнара ожидает от своей супруги?

– Ты сейчас взорвешься, – брат стоял в дверном проеме, прислонившись плечом к косяку.

– Папенька сам лишает нас последних крох уважения его светлости, – воскликнула я. – Зачем это идолопоклонничество?

– Папенька боится упустить возможность выбраться из ямы, в которой мы пребываем долгие годы, – Артиан отлепился от косяка и пожал плечами. – Его можно понять. Он столько времени пытался хоть как-то наладить наше существование, но только опускался еще ниже. Диар для него соломинка, и отец вцепился в нее зубами.

– Молю вас на коленях, – передразнила я и упала в кресло. – Достаточно было просто попросить извинений за недостойную сцену и все!

– Достаточно, но агнара Берлуэна никто из нас в этом не убедит. Не удивлюсь, если он уже мчится вдогонку за диаром с твоим письмом в вытянутой руке. Нам остается лишь смириться, что-либо изменить мы не в силах. Отец ныне слеп и глух. И его не стоит осуждать. В конце концов, он столько времени был вынужден страдать от того, что не может дать

своим детям достойного будущего.

– Ты прав, – вздохнула я, теряя разом весь запал и успокаиваясь. – Папеньку действительно сложно осуждать. Лишь бы это не сказалось на отношении его сиятельства ко мне в будущем. И так он покупает меня, и цена, которую сам установил, превышает во много раз мою стоимость. А это уже тревожит не на шутку.

Брат подошел ко мне, склонился, приобнял за плечи и прижался щекой к моей щеке.

– Вокруг Аристана Альдиса всегда витает множество слухов, оно и понятно, он все-таки диар, а не фермер. Но я никогда не слышал, чтобы он слыл пожирателем девиц, – совершенно серьезно произнес брат.

– Арти! – возмущенно воскликнула я, пытаюсь ущипнуть его, но вертлявый братец уже отскочил в сторону, весело хохоча.

Вскочив на ноги, я бросилась за ним, однако агнар Пройдоха уже выбегал из моей комнаты, уворачиваясь из-под карающей сестринской длани.

– Артиан Берлуэн, я приказываю тебе остановиться и получить оплеуху! – вещала я, пытаюсь отловить брата.

– На каком основании? – спрашивал он, поблескивая веселым взглядом.

– На основании того, что я старше, а ты болван! – выкрикнула я

– В корне не согласен, – парировал Арти, издевательски

вилая передо мной задом. – Ты старше, а я мужчина.

– Но против болвана ты не возразил, – ослабилась я, подкрадываясь к братцу.

– Глупые выдумки я не замечаю принципиально, – он хмыкнул, вновь припуская вперед.

Брат позволял мне приблизиться и, снова извернувшись, словно змей, с хохотом убежал от меня. Мы промчались по всему этажу, сбежали по лестнице вниз, едва не сбив с ног престарелую горничную. Женщина сердито заворчала себе под нос, но что она говорила, мы с Артианом уже не слышали. Я прихватила папенькин старый зонт и, взметнув его над головой, с боевым кличем кинулась догонять братца.

Один раз я даже нагнала его и с особым упоением кольнула в самое вертлявое место. Арти подпрыгнул, прикрыв уязвленное... самолюбие ладонями, обернулся и погрозил мне пальцем. После этого развернулся, отобрал мое оружие и, умчавшись вперед, исчез в комнате близнецов. Я вбежала следом за ним и возмущенно всплеснула руками. Артиан прятался за хрупкими детскими спинами наших сестер и строил мне рожи. Я уперла кулаки в бока, собираясь отчитать младшего агнара Берлуэна, но он вдруг наклонился к сестрицам, глядевших на меня одинаково сужив глаза, и крикнул:

– Защекотать Фло!

– Защекотать! – радостно отозвались близнецы и бросились на меня.

– Нечестно! – взвизгнула я, развернулась и бросилась от них прочь.

Сестры гнали меня по коридору, я искала, куда могу спрятаться, но злой рок решил дело иначе. Коварный Арти пробежал через первый этаж, выскочил мне навстречу, раскинув руки, и я, влетев ему в объятия, сбила с ног. Брат завалился на пол, увлекая меня за собой, близнецы с громким кличем упали сверху, и три пары рук запорхали по моим ребрам, шее, спине, доводя до щенячьего визга, похрюкивания и хохота. Я извивалась, вырывалась, отвечала, уже сама не понимая кому. Впрочем, мои мучители, кажется, тоже уже запутались, и теперь мы все дружно хохотали, щекотки хватило каждому.

– Кхм, – раздалось над нами.

Ойкнув, охнув и даже чихнув – у кого что вышло, мы вчетвером задрали головы и посмотрели на папеньку. На лице его было довольство, и я поняла, что письмо диару родитель все-таки передал.

– Д’агнар Альдис был столь добр, что простил вашу непристойную выходку, дочь моя, – произнес он. – Завтра его сиятельство вновь навестит нас во второй половине дня, чтобы пригласить вас на прогулку. Будьте любезны к назначенному часу быть собранной и очаровательной, чтобы мне не пришлось вновь краснеть за вас, Флоретта. А теперь поднимитесь с пола, а то ваша любовь к этой части жилого помещения выглядит уже подозрительной. Приведите себя в по-

рядок, как подобает будущей сиятельной диаре, и ступайте отдыхать. Завтра вы должны быть свежи, как роза. – Затем сурово взглянул на Артиана, укоризненно покачав головой. Поманив к себе близнецов, одарил каждую поцелуем в лоб, и удалился пожелав всем разом. – Доброй ночи, мои дорогие дети.

Мы проводили папеньку взглядами, переглянулись и тихо прыснули в кулаки. Однако быстро взяли себя в руки и разошлись по своим комнатам. Только уже лежа в постели, я вдруг разволновалась, думая о завтрашнем дне. Мне представлялось надменное лицо диара, который будет непременно думать обо мне дурно, либо из-за неловкой ситуации, либо из-за письма с раболепными извинениями.

А следом я подумала о том, о чем могу разговаривать со своим женихом, чтобы развлечь его и не дать во мне заподозрить необразованную особу. Безусловно, наше домашнее образование было далеким от того, какое должно получать дворянским отпрыскам, и все-таки этикет мы знали, географии учились по атласу и несколькими книгам о путешествиях. Историю изучали тоже по книгам и энциклопедиям. Умели играть на нескольких музыкальных инструментах. Танцевали пару танцев. А вот на лошади я вовсе не умела держаться. И даже не представляла, о чем могу говорить с его сиятельством, чтобы не показаться беспросветной душой.

Распереживавшись, я не сомкнула глаз до утра и встала с постели с красными глазами, раздраженная и с ужасной го-

ЛОВНОЙ БОЛЮ.

Глава 3

К завтраку я спустилась позже всех из-за попытки придать лицу более свежий вид. Попытка успехом не увенчалась, зато раздражение и головная боль сравнялись по своему накалу. Спускаясь в столовую, я готовилась выслушать от папеньки очередную гневную речь о своей бестолковости. Однако ни старшего, ни младшего агнаров Берлуэн в усадьбе уже не было. Они отправились в поместье д'агнара Альдиса. Выдохнув с облегчением, я уселась за стол. Но головная боль вызывала тошноту, а все надуманные мною за ночь тревоги напрочь лишили аппетита. Поковырявшись в своей тарелке, я отодвинула ее и выпила один чай.

– Агнара Флоретта, вы совсем не поели, – всплеснула руками кухарка, когда пришла забирать посуду. – Ох, и выглядите вы не очень. Уж не приключилась ли с вами хворь? Девушки перед свадьбой часто себе придумывают всякие ужасы.

Она вдруг уселась напротив, пользуясь тем, что хозяина и его сына нет, а близнецы все еще сопели в своих кроватях. Женщина подперла щеку кулаком и посмотрела на меня с покровительственной улыбкой.

– Вы уж не обижайтесь на меня, агнара Флоретта, – начала она. – Но я все же скажу. Все свадьбы боятся, а все из-за чего? Это ж только немного больно по началу, а потом... Ох, помню, когда я замуж-то выходила, и чего только не на-

думала. А ведь сладко-то как оказалось. Так и бегут мурашки, как вспомню.

– О чем вы, инара Лирия? – недоумеваю, спросила я.

– Так о ночи первой, – женщина удивленно смотрела на меня. – А чего вам еще опасаться? Жених – сам диар. Богат, представителен, собой хорош. Вот уж жених, так жених. Вон, как семейство ваше обхаживает. Видать, приглянулись вы ему. И то правильно, чего на этих расфуфыренных дамочек-то смотреть? То ли дело девушка скромная, да неприхотливая. А вы же у нас умница какая, агнара Флоретта. И веселая. Так что опасаться вы только одного можете, вот я вам и говорю – не бойтесь. А диар – мужчина опытный, он вас не обидит, все аккуратно сделает.

Я слушала Лирию и пылала от стыда и возмущения. Мало того, что подобное я готова была узнать, если бы только сама спросила, (а я бы ни за что не спросила, это уж точно!) так я даже не задумывалась до настоящего времени об этой стороне супружеской жизни. Мои тревоги касались намного большего. И если эта ночь должна случиться, то она случится... Великая Мать!

Осознание накатило ледяной волной – у меня будет *это* с диаром. Он будет трогать меня, наверное, целовать...

– Лирия! – воскликнула я, но тут же осеклась и сказала спокойно: – Благодарю, вы можете идти.

– Если хотите, я вам порасскажу, что там и как, – оживилась кухарка

– Нет! Вы очень любезны, но у меня ужасно болит голова, и я лучше прилягу, – слушать ее рассказы мне вовсе не хотелось.

– Я вам сейчас травку дам, а после погуляйте лучше, – женщина поднялась из-за стола и направилась на кухню, а я поспешила вернуться к себе.

И уже в своей комнате подумала, что и правда стоит сбежать на прогулку с близнецами. После разговоров Лирии смотреть в глаза д'агнара Альдиса мне было и вовсе стыдно. Вдруг во время беседы с ним я подумаю об этом, я ведь тогда ни слова не смогу произнести вслух. Буду краснеть и хлопать глазами, и диар посчитает, что я не в своем уме. А я ведь непременно вспомню! Какой ужас... Нет, определенно мне стоит избежать нашей встречи. Я ужасно выгляжу, мне нездоровится, и я имею полное право сослаться на плохое самочувствие... Папенька мне сошлетя! За руку притащит к диару, еще и под дулом пистолета выгонит на прогулку. Да, нужно сбежать из дома, сказав, что близнецы умоляли меня, и я не сумела им отказать. Я добрая сестра, а вовсе не трусиха, и не невежа, как вы могли подумать, дорогой жених. Именно так! Уф...

Вскоре пришла Лирия со своим отваром. Она посмотрела на меня чуть насмешливо, подмигнула по-свойски и заговорщицки произнесла, понизив голос:

– Если всё же надумаете, агнара Флоретта, я буду на кухне. Я много чего могу рассказать, и как мужу угодить...

– Я поняла, – спешно прервала я кухарку.

Женщина удалилась, а я вытянулась на постели, ожидая, когда мне станет легче. Не дождалась. Прележав совсем немного, я вскочила на ноги и поспешила к близнецам, твердо решив стащить их за ноги из кроватей, если они имеют наглость все еще спать, когда их сестра так отчаянно желает быть доброй и заботливой, самой лучшей старшей сестрой на свете.

На счастье близнецов они уже проснулись и теперь брызгали друг в друга водой, пока умывались. Увидев меня, сестры изумленно округлили глаза. Я мило улыбнулась им, а девочки сделали слаженный шаг назад.

– Доброе утро, – проворковала я, сестры переглянулись, после посмотрели на меня и слаженно ответили:

– Доброе утро, Фло.

– Мы идем гулять! – почти воинственно объявила я.

Девочки снова переглянулись и помотали головами.

– Мы не хотим, – ответила Мелина.

– Совсем не хотим, – поддержала сестру Тирли.

– Ни капельки не хотим, – хором закончили они.

Я поджала губы, упрямо глядя на близнецов.

– Как же не хотите? – фальшиво удивилась я. – Очень даже хотите.

И даже покивала для значимости. Девочки слажено помотали головами. Ну вот еще новости! Других сестер у меня нет, и теперь нужно доказать не только папеньке и диару, что

близнецы умоляли погулять с ними, но и самим близнецам.

– Мел, Тирли, – всплеснула я руками, – вы же сами уговаривали меня отвести вас к источнику!

– Это было две недели назад, – насупилась Мелина.

– И ты отказалась, – добавила Тирли. – Еще и наврала, что там видели злющего вепря.

– Только бы с нами не ходить, – проворчала Мел.

– Отчего же наврала? Был вепрь, – снова соврала я. – Но его убили охотники. Теперь можно сходить.

– А мы уже не хотим, – близнецы дружно повернулись ко мне спинами.

Негодницы! Я опустила было руки в бессилии, но... Если я уже согрешила, наврав им два раза, то от третьего хуже не станет.

– А на завтрак каша с комками, – произнесла я и даже не устыдилась того, что оговорила Лирию. Если бы не она, я бы сейчас не множила свои прегрешения. – И немного подгорела.

– Фу-у, – протянула Тирли.

– Бе, – скривилась Мелина.

– Но мы можем взять с собой что-нибудь из еды и устроить пикник у источника, – лукаво улыбаясь, предложила я.

– Да! Пикник! – запрыгали близнецы, и я облегченно вздохнула.

– Одевайтесь, а я пока соберу корзину, – сказала я им. – Гребень и ленты прихватите с собой, причешу вас на улице.

– Ура! – закричала Мелина, которая больше всего на свете не любила, когда ее причесывала наша престарелая горничная.

– Фло, ты лучшая старшая сестра на свете, – Тирли, подскочив ко мне, крепко обняла.

– Да! – подхватила Мели, а я стыдливо потупилась, но согласно кивнула, испытывая огромное облегчение.

Спустя полчаса мы покидали усадьбу. Благодаря моему жениху наши закрома оказались набиты столь щедро, что я снова немного устыдилась. Диар помогает нашему семейству, стараясь для своей невесты создать уютный дом, где в кладовых кроме мышей теперь водятся колбасы, сыр и прочие изыски, о которых раньше мы могли лишь мечтать. А неблагодарная невеста бежит, отказывая жениху в такой малости, как прогулка и беседа. Крайне не воспитанная особа... сказала бы я, но ничего менять не стала, предпочтя тащить тяжелую корзину встрече с д'агнармом Аристаном Альдисом.

То место, где из-под земли бил источник, было невероятно красиво. Но находилось оно столь далеко, что ходить туда я не любила и бывала лишь вместе с братом или папенькой. Но сейчас из-за собственных страхов и опасений я упорно шла к источнику, таща с собой корзину, изрядно надоевшую и оттянувшую руки. Спустя еще полчаса я уже злилась на себя за глупость и трусость. Однако впереди меня, весело напевая, бежали сестры, и теперь было бы жестоко возвра-

щать их в усадьбу. Поэтому, вздохнув, я покорилась судьбе. В конце концов, это был мой собственный выбор и винить некого.

До источника мы добрались спустя полтора часа, когда солнце уже приблизилось к зениту. Пекло стояло невыносимое, корзину я уже ненавидела, свои скоропалительные идеи тоже, даже близнецы не скакали уже столь радостно, как прежде. По крайней мере, мне казалось именно так. Но завидев знакомые места, мы оживились. Я думала о том, что вскоре избавлюсь от своей ноши, усядусь в благодатной тени, и жизнь вновь заиграет красками. Мои же сестры желали одного:

– Сейчас мы поедим! – воскликнула Мели.

– Сейчас нам будет вкусно! – подхватила Тирли, и я почувствовала себя виноватой.

Поэтому, заняв наше излюбленное место, я спешно раскрыла корзину, достала оттуда покрывало и, убрав тряпицу, покрывавшую еду, принялась потчевать девочек заготовленными скромными яствами.

Мои сестры уплетали за обе щеки все, что я добывала из недр корзины, беспрестанно болтали, вертели головами и менее всего напоминали юных агнар. Лишившись своей ноши, я стала намного благодущею и не спешила их ругать, позволяя получать маленькую радость от нашей скоропалительной прогулки, нарушая правила хорошего тона. Впрочем, я и сама с удовольствием их нарушала, делая все то же

самое, что и мои сестры: набивала щеки, отвечала на их вопросы, не успев проглотить пищу, даже позволила себе запустить в лоб Мели шариком, скатанным из хлебного мякиша. Правда, расплата за шалость пришла немедля, и близнецы, вдвоем атаковав меня, вновь щекотали и повизгивали от удовольствия, но я им простила все.

Голова моя уже не болела, а после того, как ополоснула лицо ледяной ключевой водой, почувствовала себя намного свежей и бодрей. Девочки оставили меня в покое, и я, удобно расположившись под сенью деревьев, следила за тем, как сестры играют в мяч, весело перекрикиваясь. Потом голоса их отдалились, веки мои сомкнулись, и я задремала...

Что мне снилось? Сказать точно не берусь. Это была мешанина образов, смысла в которой искать было бесполезно, но единственное, что я особо четко запомнила, была наша кухарка, которая стояла в изголовье большой кровати, где вольготно раскинулся диар, заложив руки за голову. Я лежала рядом, скованная невидимыми путами, а кухарка все говорила и говорила что-то жутко неприличное. Дагнар Альдис кивал головой и со значением произносил:

– Это вам не на полу валяться.

А потом велел папенькиным голосом писать письмо кухарке с извинениями. На этом я проснулась. Потерла лицо, скидывая тяжелое оцепенение сна, нашла взглядом девочек, да так и застыла с неприлично открытым ртом, глядя на третьего участника их игры. Сиятельный диар, скинув прямо на

траву свой сюртук, бродил по поляне, вытянув руки. Глаза его были завязаны кушачком Тирли, и д'агнар Альдис пытался поймать двух вертлявых девиц. Девочки хихикали и ловиться не желали. Но вот диар делает шаг в сторону одной и вдруг резко разворачивается к той, что стоит за его спиной, и ловит ее.

В это мгновение я поняла, что мой жених не имеет ни стыда, ни совести. Он жульничал! Подглядывал из-под повязки, заманивая доверчивых агнар в ловушку. Впрочем, у близнецов совести оказалось не больше, чем у его сиятельства. И как только Аристан Альдис произнес:

– Мели, – Мелина тут же бессовестно соврала:

– Я – Тирли.

– Вы меня обманываете, юная агнара, – ответил диар. – У Тирли нет кушака.

– И у меня нет, – нагло заявила Мели, стягивая свой пояс.

– Вы нечестно играете, – укорил моих сестер д'агнар Альдис.

– Кто бы говорил! – не сдержалась я и прикусила язык, отчаянно покраснев.

– А вот еще одно ветреное создание, – насмешливо изломил бровь диар. – Так идите и научите нас играть честно.

– Точно! Пусть Фло водит! – обрадовались близнецы, и я одарила их испепеляющим взглядом.

Вот уж чего мне не хотелось, так это играть с его сиятельством. Насколько я боялась его надменного, настолько я сей-

час стеснялась его вот такого: без сюртука, с кушаком моей сестры в руках и лукавым блеском в серых глазах.

– Вы трусиха, Флоретта, – вдруг произнес д’агнар Альдис.

И как он догадался?! Неужто это написано у меня на лбу? Ну уж нет, допустить, чтобы диар потешался надо мной, я не могла. Потому поднялась на ноги и гордо вздернула подбородок:

– Ничуть, ваше сиятельство, – высокомерно ответила я, стараясь изо всех сил не смотреть на мужчину.

– Правда? – от неприкрытой иронии в его голосе, мои щеки снова вспыхнули.

– Мать Покровительница мне свидетель, – я кивнула, и его сиятельство направился в мою сторону, так и не дав мне самой приблизиться к нему и близнецам, с интересом слушавшим наш диалог.

Ноги тут же приросли к земле, и я едва сдержала желание попятиться, потому что прекрасно понимала, что произойдет дальше. Удержалась от позорного бегства только благодаря тому, что подняла взгляд на диара и увидела, как откровенная насмешка кривит его губы. Его сиятельство явно забавлялся моим замешательством. Это вызвало протест, и я шагнула ему навстречу.

Аристан Альдис остановился, давая мне подойти, после взял за плечи и развернул к себе спиной. Кушак Тирли накрыл мои глаза, и на затылке затянулся узел.

– Не слишком туго? – участливо спросил диар.

– Нет, – пискнула я и дернулась в сторону.

Однако ладони сиятельного диара снова сжались на моих плечах, не позволяя отойти.

– Куда же вы бежите, дорогая невеста? – усмехнулся он и добавил, как-то особенно понизив голос: – Игра только началась.

После повернул меня трижды вокруг своей оси, и я оказалась предоставлена самой себе, совершенно перестав ориентироваться в пространстве.

– Фло! – крикнула одна из девочек. – Фло!

– Фло! – тут же подхватила вторая.

Диар молчал, и где он, я представляла с трудом. Поймав себя на мысли, что меньше всего хочу найти именно его, я снова прислушалась к голосам сестер. Неловко вытянув руки, я направилась на детский голосок. Сквозь тоненькую полосочку под повязкой я разглядела зелень травы, этого вполне хватило, чтобы, заметив черные начищенные ботинки, тут же развернуться в противоположную сторону.

Справа послышался голосок одной из сестер. Я повернулась на звук, прислушалась, еще раз повернулась и опять увидела черную полоску ботинок д'агнара Альдиса. Отвернулась и побрела вперед, уже не слушая голосов сестер, только мечтая избавиться от кушака на глазах и прекратить игру.

– Вы покидаете нас, агнара Флоретта? – диар снова взял меня за плечи и развернул в обратную сторону, откуда неслись возмущенные крики близнецов:

– Фло, ты куда?

– Фло!

– Мы все там, – снова произнес мой жених, и я поспешила прочь от него.

А потом игра и вовсе стала напоминать издевательство. Стоило мне остановиться, как за плечом слышалась очередная реплика диара, и я тут же спешила увеличить расстояние между нами. Должно быть, со стороны это смотрелось забавно. В игре в салочки ведущий не ловит того, кто подал голос, а бежит от него, слепо выставив руки перед собой. Или же случайно дотронувшись рукой до найденного человека, ведущий отдергивает руки, разворачивается и, как ни в чем не бывало, уходит от цели игры.

– Фло! – возмущенно воскликнула одна из сестер. – Что ты делаешь?

– Ваша сестра, юная агнара, учит нас играть честно, – насмешливо ответил диар. – Я даже восхищен ее умением настолько честно жульничать.

Я вспыхнула и воскликнула:

– Я не жульничаю. Я никого не могу поймать!

– Итак, – с меня вдруг стянули повязку, и я, поморщившись от яркого света, увидела перед собой широкую грудь диара, – подведем итог. Моя невеста: жулик, врушка и трусиха. Какой приятный набор добродетелей.

И пока я шумно сопела, спешно подыскивая достойный ответ, д’агнар Альдис отдал Тирли ее кушак и предложил

мне руку, не сводя с меня взгляда. У меня не осталось выхода, кроме как принять ее, чтобы не выглядеть еще большим посмешищем. Вздернув нос, я позволила увлечь себя под сень деревьев к нашему покрывалу и опустевшей корзине. Усадив меня на прежнее место, диар беззастенчиво стащил из корзины полуспелое яблоко, одно из любимых лакомств Мели, откусил и даже не поморщился от кислоты. Я чопорно расправила складки платья и отвернула голову в сторону близнецов, уже придумавших новую забаву.

– Вы меня боитесь, – вдруг припечатал жених.

– Вот еще глупости, – вырвалось у меня, и очередной румянец разлился по щекам.

– Вы все же потрясающе стыдливая врушка, – отметил Аристан Альдис, догрыз яблоко и выкинул огрызок.

– Почему вы оскорбляете меня, ваше сиятельство? – возмутилась я, упорно глядя в сторону.

– Разве? Всего лишь называю вещи своими именами, – невозмутимо ответил д’агнар, продолжая рассматривать меня. – Начнем с того, что вы сбежали, хоть и были осведомлены, что я приглашаю вас на прогулку. И что это? Неуважение, презрение... страх? И та ли это агнара, которая прислала мне такое трогательное письмо с извинениями? Столько мольбы в строках и вдруг побег. Отсюда я делаю вывод, что в письме вы не были искренне, и, скорей всего, оно написано под давлением вашего отца.

Какая прозорливость! Я бросила взгляд на диара, он со-

хранял свою невозмутимость, только в глазах застыло не совсем понятное выражение. Уголки его губ едва заметно дернулись, и я поняла, что мужчина забавляется происходящим. Настроения это не прибавило. Я опять отвернулась, сорвала травинку и теперь рассеянно покусывала ее кончик, продолжая слушать своего жениха.

– Сейчас вы столь упорно «не замечали» меня, что я окончательно уверился в вашем страхе.

– Вы ошибаетесь, ваше сиятельство, – ответила я. – Близнецы давно упрашивали меня отвести их в это место, и сердце мое дрогнуло.

– Какая трогательная любовь к сестрам, – совершенно серьезно отметил диар. Он помолчал немного, теперь глядя на девочек. – Чудесные дети. И словоохотливые, в отличие от старшей сестры. Мели рассказала о том, как вы сегодня их спасли от подгоревшей каши, предложив сходить на пикник в это чудное место. Трогательная забота.

Кажется, теперь у меня пылали даже уши. Осторожно повернув голову, я посмотрела на д’агнара Альдиса. Он был по-прежнему невозмутим. Глядел на меня с вежливым интересом и не более, даже ирония из глаз исчезла. Мой прекрасный план рассыпался, как карточный домик.

– И что вы на это скажете, агнара Берлуэн? – светским тоном спросил меня диар, и я выпалила:

– Да, я вас боюсь! Вы меня пугаете... Ой.

Однако д’агнар не вознегодовал, не нахмурился и не

усмехнулся. Он даже не воскликнул: «Я так и знал». Просто кивнул головой, принимая мой ответ.

– Вам не нужно меня бояться, Флоретта, – наконец ответил диар. – Нам с вами предстоит совместная жизнь, смею надеяться, достаточно долгая. Как своей будущей супруге, я могу обещать вам уважение, заботу и защиту. Возможно, я не отличаюсь кротким нравом, но верю в то, что нам не придется ссориться. Ведите себя благоразумно, и мы с вами будем добрыми друзьями. В браке такие отношения даже предпочтительней недолговечной страсти. Вы согласны со мной?

Я пожалала плечами, не зная, что ответить. Наверное, мне нужно было просто осознать слова своего жениха, чтобы перестать искать подвох в его предложении руки. Сейчас, глядя в лицо д’агнара Альдиса, я видела лишь открытый взгляд, в котором не пряталось ни насмешки, ни прежней надменности. Мужчина ожидал моего ответа, и мне пришлось бы по душе его слова, если бы не все та же затаенная мысль.

– Почему я? – слетело с моих уст раньше, чем я смогла удержать свой порыв.

Диар приподнял брови и ответил вопросом на вопрос:

– А почему не вы?

Я не нашлась, что сказать. Он продолжал смотреть на меня, ожидая ответа, и я все-таки его дала:

– Ваше сиятельство столь щедр с моей семьей, и я не вижу причин для такой щедрости.

– Вам не нравится, что я решил позаботиться о семье сво-

ей избранницы? – спросил д’агнар Альдис.

– Я не понимаю этой заботы, – призналась я, смутилась, но все-таки договорилась: – Если бы вы были в... влюблены в меня, то ваш порыв можно было бы как-то объяснить, но до недавнего времени, вы даже не подозревали о моем существовании. Я некрасива, бедна, не особо родовита. Этот брак не несет вам, сиятельный диар, никакой выгоды. И все же вы выбрали меня, несмотря на то, что могли составить намного более выгодную партию. Теперь вы заполнили наши кладовые, прислали лучшего портного, ремонтируете наш дом... Что вы ожидаете от меня взамен?

Мужчина заглянул в корзину, взял еще одно яблоко и отвернулся в сторону близнецов, не спеша дать ответ. Это заставляло нервничать, но я терпеливо ждала. Диар догрызал яблоко, и я поняла, что он думает. На мгновение испугалась, что он сейчас все отменит, решив, что я неблагодарная и не умею принимать то, что дается по доброй воле. Даже представила, какой скандал мне устроит папенька, когда наш благодетель объявит, что передумал брать меня в жены. Однако диар, выкинув огрызок, снова обернулся ко мне. Я не увидела ни гнева, ни раздражения на его лице. Впрочем, как я уже успела заметить, этот человек умел держать себя в руках, скрывая свои настоящие мысли и чувства. И все же в глазах его был заметный интерес.

– Знаете, агнара Флоретта, – сказал диар, – вы сумели меня удивить. До этой минуты я был уверен, что вы опасаетесь

меня совсем по иным причинам.

– Какие же причины вы видели, ваше сиятельство? – мне вдруг стало любопытно.

– Обычный страх, который может испытывать девушка перед незнакомым взрослым мужчиной, сделавшим ей предложение руки и сердца. Возможно, эм... испуг перед некоторыми супружескими обязанностями...

Я густо покраснела, разом вспомнив слова Лирии и свой сон, где диар соглашался с кухаркой. Глубоко вдохнув, я зажмурилась, чтобы успокоиться, а когда снова посмотрела на д'агнара Альдиса, он следил за близнецами, меланхолично покручивая в пальцах сорванный цветок.

– Мне приятно осознавать, что моя невеста не глупая девушка, – снова заговорил он, не оборачиваясь ко мне. – И всё же вы зря подозреваете меня в скрытой корысти. Нет ничего удивительного в том, что я принял живейшее участие в жизни вашей семьи. Что вы там говорили? Кладовые? Почему вы отказываете мне в желании видеть свою будущую супругу сытой и довольной жизнью? Портной? Дорогая моя агнара, ваш гардероб совершенно никуда не годен, хотя бы по той причине, что у вас его попросту нет. Я мог бы позвать инара Рабана и после свадьбы, но будущей сиятельной диаре не подобает ходить в платьях, более подходящих служанкам. Светская жизнь сопряжена с общением с другими людьми. Вы хотели бы предстать перед моими гостями в этом унылом наряде, что сейчас надет на вас? – Диар повернул ко

мне голову и покачал головой. – Вы слишком открыты, Флоретта, стоит научиться скрывать свои чувства. Вы опять покраснели. Но вернемся к вашим подозрениям. Что было после портного? Дом? Мне неприятно, что моя невеста живет в развалюхе, где сквозит со всех щелей. Мне нужна здоровая жена. Что-то еще?

– Нет, – прошептала я, опуская взор.

– Завтра вам доставят мой подарок – породистую кобылку. Это смиренное создание непременно порадует вас, – от прежней добродушной иронии в голосе диара не осталось и следа. Он не ждал моих восторженных возгласов, просто доводил до сведения.

– Я не умею ездить верхом, – призналась я.

– Значит, с лошадыю прибудет и учитель верховой езды, – равнодушно ответил д’агнар Альдис. – Что еще вы не умеете? Танцы? Впрочем, кто бы вас обучал всем этим новомодным коленцам. Учитель танцев будет посещать вас три-четыре раза в неделю. Ко дню нашей свадьбы вы должны быть готовы не ударить в грязь лицом перед благородным собранием. Кто еще? Пожалуй, учитель изящной словесности.

Я только хлопала глазами, слушая своего жениха. Похоже, за меня решили взяться всерьез и воспитать достойную супругу. А потом мне стало обидно, и я выпалила:

– Ваше сиятельство, если вы так стыдитесь того, что я не умею держаться в седле, выкидывать новомодные коленца и вести беседы, если опасаетесь, что я опозорю вас перед

благородным собранием, то зачем выбрали меня, когда есть множество девиц, уже постигших все эти искусства?!

Дагнар Альдис одарил меня ледяным взглядом и сухо произнес:

– Агнара Берлуэн, следите за тем, что произносите вслух. Если я выбрал вас, значит, посчитал достойной партией. Что до моих слов об обществе, то мне совершенно плевать, что они будут думать, но не плевать будет вам. И если вы услышите насмешки от людей, не одаренных Богиней разумом в необходимом количестве, то даже моя защита не сделает ваше самолюбие менее уязвленным. Я не стыжусь вас, я проявляю заботу. Впрочем, если вам все это кажется лишним, то можете прозябать в своем нынешнем состоянии и набивать себе шишки, набираясь опыта. Так что вы мне ответите? Мне присылать к вам учителей?

Мне стало стыдно. В словах диара не было изъяна, и все мои подозрения теперь казались глупыми и беспочвенными. Он совершенно прав, во всем прав. И моя гордость тут неуместна. Она, действительно, сильнее пострадает, если надо мной будут насмехаться.

– Ну же, дорогая невеста.

– Вы правы, ваше сиятельство, – ответила я. – Учителя нужны.

– Рад, что вы проявили благоразумие, – он кивнул и встал на ноги. – Предлагаю вернуться в вашу усадьбу. У меня еще есть дела, и мне не хотелось бы, чтобы вы и ваши сестры

возвращались затемно одни, без всякой охраны.

Я согласно склонила голову. Собрала корзинку, и диар тут же забрал ее у меня. Я крикнула сестрам, что мы возвращаемся. Мели подхватила сюртук д'агнара, все еще лежавший на траве, Тирли подобрала мяч, и мы покинули источник вчетвером. Чуть поодаль обнаружился рыжий жеребец диара. Мужчина отвязал его от дерева и взглянул на близнецов:

– Прелестные агнары желают прокатиться верхом?

Прелестные агнары были совершенно не против. Мой жених усадил их на коня, взял повод, и мы направились в сторону нашего поместья. И все же меня продолжал грызть червячок сомнений. Вроде бы все выходило гладко, но...

– И все-таки, почему я? – снова спросила я. – Что побудило вас сделать такой выбор?

– А вы дотошны, да, Флоретта? – усмехнулся диар. – Хорошо. Вам не приходило в голову, что в вас есть одно выгодное отличие, которое возвышает вас в моих глазах над остальными девицами из дворянских семей – ваша чистота. Благодаря своему затворничеству, вы не испорчены светом. Ваша семья – ваша основная ценность, и мне это нравится. Ваши взгляды близки мне, и это именно то, что я хотел бы видеть в своей жене. Надеюсь, теперь я смог вас успокоить? Вы больше меня не опасаетесь?

Он улыбнулся, изломив бровь. Я опустила голову, пряча невольную ответную улыбку, и тихо произнесла:

– Нет. Кое-что осталось.

– Что-то еще? – в притворном ужасе воскликнул диар.

– Некоторые супружеские обязанности, – сказала я и похолодела, осознав, на какую тему вздумала шутить.

Громкий смех д’агнара стал мне ответом.

Глава 4

С того дня жизнь моя полностью изменилась. У меня почти не осталось времени на прежние милые сердцу занятия. Теперь я целыми днями переходила из рук одного учителя в руки другого. После завтрака спускалась в конюшню, где меня уже ожидал агнар Раганфор на своем великолепном черном звере, вызывавшем мои неизменные страх и восхищение. Моя кобылка, такая же рыжая, как и жеребец диара, уже стояла под седлом. Лошадь мне полюбилась с первого взгляда, и я назвала ее Золотцем, несмотря на уже имеющееся имя. Оно мне казалось совершенно безликим. Громкое, высокопарное и бездушное. Золотце против нового прозвища не возражала, и я именовала кобылку только так и никак иначе.

Конная прогулка продолжалась два часа, и, пожалуй, это было мое самое любимое из занятий. Агнар Раганфор оказался весьма приятным человеком, не лишенным чувства юмора. Время, которое было предназначено для наших выездов, пролетало быстро, неизменно оставляя осадок досады и сожаления, что пора возвращаться и приступать к остальным занятиям. Порой к нам присоединялся сиятельный диар, но находился рядом недолго, больше разговаривая с моим учителем. Со мной же мой жених был прохладно вежлив, вновь став тем надменным д'агнаром, который перепугал меня в

день нашего знакомства. От моего открытого собеседника у источника не осталось и следа, диар снова натянул свой панцирь и выбираться из него не спешил. Переговорив с моим учителем о наших с ним успехах, Аристан Альдис кланялся мне и исчезал из поля зрения.

Не могу сказать, радовало меня это или огорчало. Своего отношения к жениху я так и не могла понять. С одной стороны мне понравился тот мужчина, которого я наблюдала у источника, но с другой... Он дал ясно понять, что нас ждет, скорей, супружеское партнерство, без страсти и чувств. И теперь холодность его сиятельства была даже уместна, не давая мне увлечься им. Однако привыкала я к его присутствию в моей жизни достаточно быстро.

Это присутствие было ненавязчивым, но ощутимым. То брат, то отец навещали диара в его поместье. Иногда он появлялся, чтобы проверить мои успехи и в иных науках, однажды даже составил пару в танце. Впрочем, оживления это не принесло. Я привычно залилась краской и запуталась в движениях. Диар дождался, когда я возьму себя в руки, чтобы станцевать с ним. Безупречно исполнил все па, вызвав этим рукоплескания моего учителя танцев. Похвалил... учителя, кивнул мне и ушел.

Все это было показателем того, что своих намерений д'агнар Альдис менять не намерен, и мой папенька, наконец, успокоился. Он больше не внушал мне, что нам выпало великое счастье, не требовал раболепия, и занимался не уве-

щеваниями, а своими делами. Их у старшего агнара Берлуэна теперь имелось немало.

Ремонт дома шел полным ходом. К тому же диар вернул нашему семейству утраченную часть земель, выкупив их у нового владельца, и папенька теперь часто осматривал уголья, знакомился с крестьянами и фермерами – арендаторами жившими на наших исконных землях. Артиан оставался в доме за старшего, следя за плотниками, каменщиками и прочими посторонними мужчинами. Впрочем, и тут имелась невидимая длань диара. Старый ворчун Эггер теперь только по привычке назывался сторожем. У нас работал новый привратник, прибавилось слуг, правда, их нанял уже папенька.

У близнецов появилась гувернантка, и они вечерами жаловались мне, что жизни у них больше нет. Я была совершенно согласна с девочками, потому что прежний покой нам теперь только снился. К вечеру я чувствовала себя настолько измученной науками, что валилась с ног, больше не просиживая с братом перед камином или на террасе за милой беседой, как раньше. По дому мы больше не бегали, на это не оставалось ни сил, ни времени. И день свадьбы начал казаться днем начала вождеденного покоя.

Однако до свадьбы оставалось еще два месяца. Сие знаменательное событие было назначено на первый день осени. Но представление меня свету должно было состояться раньше. Конечно, разговоры и слухи уже полнили умы знати Данбьергского диарата, и время от времени к нам стали по-

ступать приглашения от соседей, не вспоминая о нашем существовании уже долгое время, а также от агнаров, чьих имен мы даже не слышали. Однако приглашения папенька отклонял с неизменной вежливостью и непреклонностью. В этом наши взгляды с д'агнаром Альдисом сошлись. Он высказался, что спешить с визитами и приемом гостей пока не стоит. Диар не желал, чтобы его невеста превращалась в зверушку, на которую будут ходить смотреть все, кому не лень. Невеста была едина со своим женихом в его мнении. Поэтому наш дом оставался закрыт для гостей, а у нас совершенно не было времени для визитов.

Впрочем, находчивости любопытных можно было только удивляться и рукоплескать. К примеру, не так давно недалеко от нашей усадьбы сломалась карета агнары Т. Её служанка пришла просить о помощи, и папенька не отказал. Он велел заложить коляску – очередной подарок жениха семье невесты, и лично отправился на помощь пострадавшей даме. Пересадив агнару с подругой в наш экипаж, отец отвез их в поместье Т., так и не пустив в свой дом, сославшись на ремонт.

В следующий раз другая агнара, предусмотрев случай с поломкой коляски, «подвернула» ногу, «случайно» прогуливаясь почему-то по нашим землям. И вновь папенька приказал заложить коляску и отвез страдальицу к доктору в город. Третья попытка была похожа на штурм усадьбы. Опять это были дамы, но привратник закрыл перед ними двери, объявив, что хозяев нет дома. Находчивый мужчина добавил,

что где-то неподалеку бродит сторожевой пес, однако дамы оказались не робкого десятка и с богатым воображением. Они тут же перепугались и потребовали впустить их, пока не уберут пса. Не знаю, до чего бы дошли эти нахальные агнары, но по счастью приехал сам диар. Узрев нарушительниц нашего покоя, он выдворил их из поместья, и после этого все попытки посмотреть на девицу, сумевшую «окрутить» самого стойкого и завидного холостяка, прекратились.

Теперь же мне предстояло первое испытание – выезд в город к инару Рабану на примерку. Одно из платьев доставили как раз вчера, как и аксессуары к нему. В нем мне и предстояло ехать. Признаюсь, увидев это светло-зеленое чудо, я битый час смотрела на него, открыв рот, и все никак не могла поверить, что оно мое. Помощник портного, наблюдавший за мной, улыбнулся и потер руки:

– Я передам инару Рабану, что вы в восторге, – сказал он.

– Ага, – только и смогла вымолвить я, не смея даже прикоснуться к тому великолепию, которое находилось передо мной.

Не дышала я и глядя на шляпку, на сумочку, на туфельки, сшитые к этому платью. А стоило папеньке открыть передо мной коробочку со скромным, но изящным гарнитуром, который прислал мне диар, я и вовсе готова была лишиться чувств от восторга. И когда сегодня все это было надето на меня, а новая горничная, присланная д'агнарном Альдисом, уложила мне волосы и прикрепила шляпку, я почувствовала

себя, если и не богиней, то кем-то очень близким к ней.

– Фло, ты чудо, как хороша, – улыбнулся Артиан, глядя на то, как я кручусь перед зеркалом.

Отцу и брату их одежду доставили раньше, и я даже немного завидовала им, снова надевая свое простенькое неброское платье. И вот, пожалуйста, я почти королева, по крайней мере, кажусь себе такой. Бросив на себя еще один взгляд в зеркало, я сцепила пальцы под подбородком и, продолжая придиричиво разглядывать себя, признала, что инар Рабан не просто мастер своего дела, он кудесник! Глаза мои теперь казались ярче, и счастливый блеск только украшал их. Румянец удовольствия окрасил щеки, и, пожалуй, меня теперь, действительно, можно было назвать миленькой.

– Ах, Фло, ты такая красавица, – всплеснула руками Мели.

– Красавица, – восхищенно протянула Тирли.

– Еще бы, – самодовольно хмыкнул папенька.

Он подошел ближе, оглядел меня с головы до ног и потер руки. После подставил мне локоть, и я кокетливо взяла родители под руку. Он накрыл мои пальцы второй ладонью и улыбнулся.

– К сожалению, его светлость не может сопровождать нас, как планировал, но обещал присоединиться в городе, – сказал папенька, и я привычно зарделась, теперь от предвкушения и нетерпения, желая услышать, что скажет жених о моем преображении.

Внизу нас ждала запряженная коляска, возле которой

стоял кучер. Он поклонился нам и, открыв дверцу, помог усесться. Сестры оставались дома с братом, со мной ехал только папенька. Он несильно стукнул кончиком новой трости о пол и важно произнес:

– Трогай.

Коляска тронулась с места, а я вдруг подумала, что все это сон, и я сейчас непременно проснусь в своей постели. И не будет ни диара, ни платья, ни экипажа, ни поездки к модному портному, ничего не будет, только унылая обыденность. Однако коляска выехала за ворота усадьбы, а я все не просыпалась. Не выдержав, я даже ущипнула себя за руку, возле краешка тончайших белоснежных перчаток. Зашипела и удостоилась укоризненного взгляда родителя. Одно радовалось, что все это не сон.

Папенька, сохранявший какое-то время чопорность, все-таки расслабился, откинулся на спинку удобного мягкого сиденья и шумно втянул носом воздух. После взял меня за руку и сжал ладонь.

– Подумать только, Фло, могли ли мы мечтать о подобном? Еще недавно у нас было только наше имя, и вот мы уже снова хозяева прежних владений, наш дом возвращает себе прежнее величие. В конюшне появились лошади, и я везу свою дочь-невесту к лучшему портному на примерку новых нарядов.

– К сожалению, в этом нет нашей заслуги, и оттого вкус вернувшегося достатка горчит чужим благодеянием, – заме-

тила я.

Папенька замолчал. Взгляд его устремился вдаль, и на лице появилось задумчивое выражение.

– Ты думаешь, новообретенное богатство вскружило мне голову? – спросил агнар Берлуэн.

– Оно кружит голову нам всем, – улыбнулась я. – Богатыми быть приятно.

– Очень приятно, – усмехнулся родитель и, стянув с головы шляпу, аккуратно уложил ее рядом с собой на сиденье. – Но во всем этом я опасаясь лишь одного – пересудов. Злые завистливые языки еще много раз ужалят нас, намекая на то, что мы всего лишь нищета, получившая подачку со стола господина. Думать об этом унизительно. Однако тот, кто не испытал нужды, не сможет понять радости от обретения нового шанса на жизнь в достатке. Признаюсь, Фло, порой я думаю, отчего так щедр с нами диар, и не могу увидеть подвоха. Твой брат после вашей свадьбы отбудет в столицу, где сможет достойно зарабатывать себе на хлеб, служа помощником и секретарем д’агнару Вальдеру. И это тоже протекция нашего диара. Твои сестры, когда им исполнится четырнадцать, отправятся в пансион для благородных агнар. Ты понимаешь, что это означает? Мели и Тирли смогут стать придворными дамами, если отличатся во время учебы, а это уже такие виды на замужество и будущее... Ты станешь диарой Данбьергской. Порой мне кажется, что мое сердце просто не выдержит подобного счастья. Мои дети, будущего ко-

торых я не видел, станут большими людьми. И ради этого я готов выслушать тысячу колкостей и насмешек. Единственное, чего опасаясь, что это заденет и вас. Будь сильней, Фло, прошу тебя. Помни, кем ты скоро станешь. Будь достойна своего мужа и его фамилии.

– Я буду очень стараться, папенька, – улыbnулась я, но какая-то неприятная тревога поселилась в моей душе, вдруг вернув прежние опасения, почти развеявшиеся за это время. И все разумные и правильные слова, сказанные мне женихом, показались вдруг фальшивкой, за которой спрятался иной смысл поступков нашего благодетеля, так и оставшись для меня тайной.

К Кольберну мы подъехали спустя три часа, порядком устав от дороги. На окружающие красоты я уже успела налюбоваться, даже вздремнула, и теперь невыносимо хотелось выбраться из надоевшей коляски и пройтись, размять задеревеневшие от долгого сидения члены. Папенька был со мной абсолютно солидарен, и, завидев город, мы одинаково оживились.

В город мы въехали через западные ворота, проехали по первым узким улочкам, мимо низких, но аккуратных домов. Постепенно дома стали больше, богаче, начались мощные мостовые, простые стойки с фонарями сменились литыми чугунными столбами. Я с интересом крутила головой, жадно рассматривая город, о котором только слышала, но не бывала ни разу. Источник до этого времени оставался самым

удаленным местом, куда я ходила. И можно сказать, что, благодаря диару, для меня открывался новый мир.

– Флоретта, меньше восторга на лице, – велел родитель. – Вы похожи на воробья, который оказался в амбаре с зерном и не знает с какой стороны начать клевать.

– Здесь так чудесно, папенька, – воскликнула я.

– И столь откровенных восклицаний не надо. Восхищайтесь менее заметно. Подобное поведение больше всего выдаст провинциалов и деревенщину. Став диарой, однажды вы можете оказаться в королевском дворце, не будете же вы позорить своего мужа открытым ртом и большими круглыми глазами. Держите себя в руках.

Я признала слова папеньки справедливыми и усмирила порыв забраться с коленями на сиденье, чтобы посмотреть назад. Такое позволено ребенку, но никак не взрослой девице. Ох, как же тяжело скрывать свои чувства... Как бы я ни относилась к своему жениху, но его умение прятать под маской равнодушия свои истинные эмоции меня восторгало все больше. Ах, кабы мне научиться подобному! Быть может, его сиятельство поделится когда-нибудь со мной своим секретом, и я перестану быть для окружающих открытой книгой.

Тем временем коляска въехала в деловую часть города. Мастерская инара Рабана располагалась в самой богатой ее части. Перед двухэтажным домом стояло несколько экипажей, и я вдруг испытала трепет, подумав, что сейчас войду в двери самой модной лавки, где могу встретиться с агнара-

ми, которые привыкли и к почтенному мастеру портному, и к шикарной одежде, которые чувствуют себя здесь, как рыбы в воде. Стало страшно потеряться на их фоне, почувствовать себя серой деревенщиной, допустить неловкость и опозорить своего жениха и родных.

– Вы бледны, дочь моя, – отметил родитель.

– Ах, папенька, – прошептала я, – мне страшно.

– Больше уверенности, агнара Берлуэн, – улыбнулся он. – Я рядом с вами, а за вашей спиной стоит сам его сиятельство.

Я даже обернулась после этих слов, но д’агнара Альдиса, разумеется, за моей спиной не было, и папенькино выражение имело образный смысл. Щеки тут же зарделись от осознания, что я уже начала вести себя глупо. Агнар Берлуэн покачал головой и подал мне руку, помогая выйти из коляски. Он вел меня к дверям, давая наставления и успокаивая, а мне все казалось, что весь Кольберн собрался здесь и глазеет на меня.

– Фло, немедленно возьмите себя в руки, – строго велел отец. – Вскоре такие походы станут для вас привычным делом. Не оставляйте людям память о том, как вы смущались, впервые входя в мастерскую портного. В конце концов, это всего лишь обычный ремесленник, и те, кто находится у него сейчас, такие же посетители, как и вы. Они ни в чем не превосходят вас.

Молча кивнув, я оставила свое несогласие с родителем при себе. Конечно, он прав, и инар Рабан обычный портной,

но! Он обычный портной, одаренный Богиней талантом творить чудеса. Он сумел превратить такую серую тень, как я, в яркий цветок. Возможно, так кажется только мне и моим родным, но ведь и это уже не мало! Что же до тех дам и кавалеров, находившихся в мастерской инара Рабана, то они превосходили меня уже тем, что были уверены в себе, а мне так этого не хватало...

Пока я исподволь рассматривала небольшой холл, где мы оказались, войдя в дверь, папенька велел доложить о нашем прибытии, и невысокий юркий человек, поклонившись нам, исчез из виду. К счастью, никого больше здесь не было, и я вздохнула с облегчением. Из холла был выход на неширокую лестницу, уводившую на второй этаж, справа имелась дверь. Она была приоткрыта, и оттуда доносились голоса. Кажется, приказчик разговаривал с посетителями, показывая им товар. Я попыталась прислушаться к разговору, но разобрать слов в негромком течении голосов не сумела.

– Агнар Берлуэн, агнара Берлуэн! – голос чудесного мастера отвлек меня от неприличного подслушивания. – Наконец-то вы почтили меня своим вниманием.

Инар Рабан вышел встречать нас лично. Я улыбнулась портному и склонила голову. Захотелось немедля высказать ему свое восхищение, и если бы не наказ папеньки, я бы так и поступила.

– Идемте же! Ах, агнара Берлуэн, – он вдруг сцепил пальцы под подбородком, – как же вы хороши.

– Это вы хороши, инар Рабан, – почти шепотом ответила я. – Настоящий кудесник.

– Вот тут вы совершенно правы, душа моя, – рассмеялся довольный мужчина, потер ладони и указал на лестницу. – Прошу.

Папенька повел меня к лестнице, я подняла на нее взгляд и заметила женщину в богатом платье. Она спускалась вниз и, должно быть, услышала наш разговор с портным. Взгляд ее выразительных синих глаз остановился на мне.

– Агнара Керстан, – инар Рабан остановился перед ней, закрыв нас с папенькой своим поджарым телом от любопытного взора, – вы уже закончили примерку? Вы довольны?

– Разумеется, инар Рабан, – голос у дамы был нежным, но нотку раздражения я все-таки уловила. Однако сказать, кому она предназначалась, не возьмусь. Возможно, агнаре что-то не понравилось в ее новом наряде, а возможно, досада была вызвана тем, что мы с папенькой прошли мимо нее и мастера, который обошел агнару и снова закрыл нас собой, встав на ступеньку выше. – Я слышала, вы произнесли имя – Берлуэн?

– У вас такие чудесные ушки, душа моя, – сладким голосом отозвался портной, не отрицая и не давая прямого ответа.

– Это и есть та самая таинственная невеста диара? – она понизила голос, но я все-таки расслышала.

– Вы чем-то недовольны, – теперь инар Рабан сокрушал-

ся. – Вас что-то не устроило в работе моих подмастерьев?

– А ей вы лично шьете? – ревность и недовольство в голосе агнары Керстан была столь явной, что я даже поежилась.

Что ответил почтенный мастер, я уже не расслышала, потому что папенька вывел меня в маленький коридор, где нас ожидал один из помощников инара Рабана, знакомый мне еще со времени посещения нашего поместья портным.

– Прошу, агнары Берлуэн, – поклонился нам мужчина.

– А вот и снова я, – сам мастер догнал нас, отделившись от ревнивой посетительницы. – Мне не терпится увидеть ваши глаза, душа моя.

Мы вошли в комнату, уставленную манекенами, на которых были надеты разнообразные наряды из тех цветов, которые для меня отобрал портной. Смятение, волнение, неверие – вот, что я ощутила, глядя на красоту, представшую мне. Дыхание перехватило, и я схватилась за грудь, пытаясь сделать глубокий вдох.

– Ох, инар Рабан, – хрипло произнесла я, – вы смерти моей хотите, не иначе.

– Простите? – на лице портного отразилось недоумение, и я закончила:

– От восхищения. Это... это же настоящее волшебство! О, Мать всего сущего, это же... это просто божественно...

На этом мои слова иссякли, и произнести единственное, что сейчас засело в голове, было бы верхом неприличия, потому что так и хотелось протянуть с придыханием: «И это

все моё-о». Папенька не скрывал улыбки, глядя на меня, а я, подобно малому ребенку в игрушечной лавке, переходила от одного манекена к другому, не понимая и половины назначений этих нарядов, но восторгалась неизменно у одних платьев тонкой работой, искусной вышивкой, изысканными кружевами, у других строгостью покроя и минимализмом украшений.

А когда обернулась к портному, то увидела на лице его умиление. Мастер раскинул руки и поспешил ко мне, воскликнув:

– Дитя мое, дайте же я обниму вас! Какая чистота эмоций! Это такое удовольствие! Такая радость...

Он смахнул навернувшуюся слезу и, от души сжав мне плечи ладонями, коротко прижал к себе. Папенька недовольно кашлянул, но инар Рабан не спешил отпускать меня. Он отстранился, заглянул мне в глаза и с чувством произнес:

– Отныне вы моя любимая клиентка, агнара Берлуэн. Вас я всегда буду принимать лично! Только обещайте мне, что не будете привыкать к красоте и останетесь такой же чудесной и впечатлительной.

– Я очень постараюсь, инар Рабан, – искренне ответила я.

– А теперь давайте поглядим, как все это сидит на вас, – улыбнулся портной и велел: – Зовите горничную, агнаре будет нужна помощь.

Помощники инара снимали платья с манекенов, готовя их к примерке. Папенька и мастер присели на диван на изогну-

тых ножках, о чем-то негромко переговариваясь, и я осталась в одиночестве. Однако длилось это недолго, потому что в комнате появилась миленькая девушка-горничная. Она приветливо улыбнулась мне и увлекла за собой в соседнюю комнатку, дверь в которую я не сразу заметила.

Девушка бережно отцепила мою шляпку, помогла снять платье и взялась за первый из подготовленных нарядов. Скажу честно, предвкушение и радость очень быстро сменились апатией и усталостью. Повторять раз за разом один и тот же ритуал оказалось нудно и утомительно. Снять одно платье, надеть другое, выйти к мужчинам, выслушать придирчивые замечания мастера, выстоять, пока он подбирает там, подкалывал здесь, что-то помечал, ворча на своих подручных. После уходить в примерочную комнату, снять платье, надеть следующее... И так раз за разом, снова и снова. Но я старалась сохранять на лице улыбку, чтобы не огорчать инара Рабана. Впрочем, он уже обращал мало внимания на мои эмоции, целиком поглощенный работой.

Пока шла примерка, солнце скрылось за тучами, и пошел дождь, еще больше усугубляя усталость и раздражение. Я уже не видела красоты нарядов, ожидая чудного мгновения, когда эта пытка закончится. От шпилек началась легкая головная боль, зевота то и дело норовила распахнуть рот, спина ныла, хотелось сесть и замереть, отупело глядя перед собой. Однако я продолжала послушно перемещаться из комнаты в комнату, менять наряды и тихо мечтать о возвраще-

нии в родовое гнездо, где смогу упасть на кровать и провалиться в сон.

– А теперь главное блюдо, – торжественно объявил инар Рабан, когда я уже готова была вздохнуть с облегчением. – Внесите!

Глаза его лукаво сверкнули, и я обреченно посмотрела на дверь, когда... О, Богиня! Сон или прекрасное видение? Я даже протерла глаза, когда подручные мастера внесли легчайшее белоснежное облако, по глупой ошибке именуемое платьем.

– Ваш подвенечный наряд, – заговорщицким шепотом произнес портной.

– О-о-о, – только и смогла я ответить.

– Прикоснитесь к нему, – улыбнулся инар Рабан, подталкивая меня к платью.

Я отчаянно замотала головой, после все-таки решилась подойти ближе, несмело протянув руку, коснулась подола. Пробежалась взглядом по шелковому лифу, укрытому в тончайшие кружева, поверх которых сверкала россыпь бриллиантовых брызг. Обернулась к папеньке и шепотом спросила:

– Это мне?

– Только вам, душа моя, – ответил вместо онемевшего родителя портной. – Сиятельный диар лично высказал пожелания насчет вашего подвенечного наряда. Агнара Берлуэн, столь богатого платья не было ни у одной невесты в нашем диарате, уж можете мне поверить. Ну, примерьте же его!

– Можно? – со священным трепетом спросила я.

– Нужно! – рассмеялся инар Рабан.

Моя усталость была забыта в одно мгновение. Стоит ли говорить, с каким восторгом я возвращалась в примерочную комнату? Почти не дышала, когда девушка-горничная надевала платье на меня. И выходила к папеньке и портному, ступая с осторожным благоговением, не зная, куда деть руки. Прижать пышные оборки мне казалось кошунством.

– Божественно! – воскликнул инар Рабан, всплеснув руками. – Просто восхитительно. Как же я угадал с покроем! Душа моя, вы будете лучшей из невест, уж я-то знаю, о чем говорю!

– Дочь, – гулко сглотнул папенька, – ты просто...

– И вы совершенно правы, агнар Берлуэн, – портной сцепил пальцы под подбородком. – Ах, как все чудно вышло. Вот только тут чуть подправим...

А дальше все было уже более прозаично. Почтенный мастер снова поправлял что-то видимое лишь ему. Я терпеливо выстояла, не сводя взгляда с большого напольного зеркала в позолоченной раме, и думала, что в день свадьбы я буду настоящей красавицей, хотя бы один раз в жизни, но непременно буду. Снимала я этот наряд с особой неохотой. И светло-зеленое платье для прогулок, в котором приехала в мастерскую, уже не казалось мне столь шикарным, как раньше. Устыдившись самой себя и обвинив в неблагодарности, я вновь улыбнулась своему отражению, когда горничная вер-

нула шляпку на прежнее место.

Мы спустились вниз, инар Рабан опять лично провожал нас. Он даже вышел на улицу, продолжая разговор с папенькой. Я с наслаждением вдохнула свежий после дождя воздух. Осторожно переступила через лужу, подобрав подол. Настроение вновь поднялось, но усталость никуда не делась, и мне не терпелось присесть. Предупредив папеньку, что иду к коляске и, попрощавшись с милым мастером, я огляделась и направилась на другую сторону улицы, где стоял наш экипаж.

Я уже прошла широкую дорогу наполовину, когда послышался конский топот и грохот колес по мостовой. Чья-то карета неслась во весь опор, разбрызгивая воду из луж. Экипаж приближался, а я застыла, опешив от испуга.

– Флоретта! – надрывно закричал папенька.

Какой-то мужчина бросился ко мне, ухватил за руку и резко дернул в сторону. Не устояв на ногах, я полетела в огромную лужу. Грязная вода хлынула в нос и раскрытый в крике рот, и я, захлебнувшись, отчаянно закашлялась. Экипаж сбавил скорость, а из открытого окна до меня донеслось злое:

– Вот теперь ты на своем месте, выскочка. – И карета помчалась дальше.

Мужчина, спасший меня, помог подняться на ноги, протянул платок и что-то говорил успокаивающее, но я не понимала слов, захлебываясь слезами обиды. Папенька подбежал ко мне, прижал к себе, и я стиснула его, ища защиты в самом

родном для меня человеке.

– Как же я испугался, маленькая моя, – шептал отец, глядя меня по рассыпавшимся волосам.

Шляпка плавала в луже, безнадежно испорченная, как, наверное, и платье. Рядом причитал инар Рабан, подходили люди, ставшие свидетелями безобразного инцидента. Они переговаривались, с любопытством и сочувствием рассматривая меня.

– Идемте, – наконец, очнулся портной. – Сейчас мы что-нибудь придумаем.

Папенька обнял меня за плечи и повел назад к мастерской. Я прятала лицо в ладонях, до того было стыдно за произошедшее. На глазах всего города полетела в лужу... Испортила такое замечательное платье, похожа на перепачканного поросенка, хороша будущая диара. И д'агнар Альдис так и не увидел плоды своих стараний. А мне так хотелось услышать хоть короткую похвалу из его уст. Хотя бы легкое оживление в холодных серых глазах. Несмотря на то, что меня устраивало его желание иметь супругу-друга, все-таки поженски нравиться, хотя бы капельку, очень хотелось. И вот... Я мокрая грязная курица, от прически осталось одно воспоминание. Никакого очарования... Да еще и эти обидные слова, брошенные мне в спину тем самым нежным голосом, который принадлежал агнаре с красивыми синими глазами. И я зарыдала с новой силой.

– Что тут произошло?! – гневный возглас заставил па-

пеньку остановиться.

Я обернулась, увидела диара, прыгнувшего из седла на мостовую, и снова спрятала лицо за ладонями. Мой жених стремительно приблизился к нам, сунул отцу букетик, который держал в руке, и, взяв меня за плечи, развернул к себе.

– Что произошло? – повторил вопрос диар в воцарившейся тишине.

– Ваше сиятельство, покушение, – опередил всех тот самый мужчина, который вытащил меня из-под колес. – Экипаж неся на агнару. Думаю, целью было не сбить ее, но унижить, потому что брызги из-под колес летели во все стороны. Но агнара замешкалась, и едва не попала под копыта лошадей. Я попытался помочь, но рывок вышел слишком сильный, и девушка упала в лужу.

– Кто посмел? – ледяным тоном спросил д’агнар Альдис.

– Агнара Керстан, – подсказал инар Рабан. – Ее карета.

– Ясно, – только и сказал диар. После обнял меня за плечи, совсем как папенька несколько минут назад, и повел к портняжной мастерской. – Идемте, дорогая, вам надо успокоиться и привести себя в порядок. Об остальном думать не стоит, это моя забота.

В мастерской д’агнар Альдис передал меня в руки инара Рабана, и он увел меня во внутренние помещения. Здесь меня вновь передали, но уже на попечение горничных. Вскоре принесли таз, ведро с горячей водой и кувшин. Смыв грязь, я переоделась в новое белье, которое мне успели найти, мое

было насквозь мокрым. Затем надели готовое платье похожего светло-зеленого оттенка, но оно уже не порадовало меня, как не порадовала и новая шляпка. Настроение было безвозвратно утрачено, и обида душила с новой силой.

Лицо опухло от слез, влажные волосы расчесали, заплели косу и скрутили ее на затылке, от прежней кокетливой прически не осталось и следа. Но все это было мелочью по сравнению со словами злой женщины, не выходявшими из моей головы. В чем я провинилась перед ней? В том, что выхожу замуж за хозяина всего диарата? Так не я уговаривала его вести меня под венец, не умоляла наряжать, не упрашивала инара Рабана шить для меня наряды. Так в чем же моя вина?

Вспомнились папенькины предупреждения о злых языках, но я не думала, что столкнусь с людской подлостью так быстро. Это невозможно удручало, и теперь являться на бал, который собирался дать в честь нашей помолвки диар, было совсем страшно. Что ждет меня там? А если я оступлюсь в танце, они будут смеяться в голос? Тыкать пальцами? Или же сразу закидают камнями? Ох, как же все это неприятно и тяжело...

К папеньке и своему жениху я выходила задумчивой и хмурой. Мне хотелось вернуться домой под защиту родных стен, где есть близкие мне люди, которые любят меня просто за то, что я есть, и которых я люблю всей душой. Город мне больше не нравился. И хоть я понимала, что это простое малодушие, но пока ничего не могла с собой поделать.

Стоило мне появиться в кабинете инара Рабана, где находились мужчины, как диар поднялся со своего места, жестом остановив моего родителя, подошел ко мне, взял за руку и поднес ее к своим губам, не сводя взгляда с моего лица.

– Вы очаровательны, агнара Флоретта, – сказал он, а я... я взяла и расплакалась с новой силой, надрывно всхлипывая, как малое дитя. Стыдилась ужасно своего поведения, но остановиться не могла. Мой жених поджал губы, о чем-то думая, после обернулся к папеньке:

– Агнар Берлуэн, не будете ли вы столь любезны и не попросите инара Рабана, чтобы он распорядился насчет успокоительного чая?

– Конечно, – с небольшой заминкой ответил папенька. Он снова посмотрел на меня и покинул кабинет.

– Присядем, – сказал д’агнар Альдис.

Он подвел меня к месту хозяина кабинета, усадил за стол, сам обошел его и придвинул стул к противоположной стороне стола. Сел, протянул руку и накрыл ладонью мои пальцы, чуть сжав их. Сейчас я даже порадовалась, что уже красная от слез, и диар не видит, как в очередной раз смущаюсь.

– Флоретта, – заговорил он мягко, словно разговаривал с маленьким ребенком, – вы умная девушка, в чем я имел удовольствие убедиться. То, что произошло, крайне неприятно, и основная часть вины за это лежит на мне, но ни в коем случае не на вас. Мне стоило подумать о возможном исходе и быть с вами с самого начала. Однако я не смогу находиться

рядом с вами постоянно, и вам стоит научиться противостоять нападкам. Однажды они сойдут на нет, но вы не можете не понимать, что сейчас у вас появится много завистников. Будут и те, кто поспешит подружиться с вами, и все-таки от недалеких и злых людей одно мое заступничество вас не укроет. Учитесь держать лицо, даже падая в грязь. Помните, что это не вы испачкались, грязью окатила себя недостойная женщина, позволившая себе столь грубый выпад. Вы понимаете меня?

Я кивнула и шмыгнула носом.

– Отчего вы столь безутешны? Из-за ее слов? Их слышали и мне уже передали. Вам обидно?

Я снова кивнула, потом подняла взор на диара и протяжно вздохнула.

– Вас гнетет что-то еще?

И снова я кивнула, судорожно вздохнула и прошептала:

– Платье...

– Флоретта, вам жаль вашего платья? – мужчина иронично улыбнулся. – Нарядов у вас будет, сколько пожелаете.

Я отрицательно покачала головой.

– Мне так хотелось, чтобы вы увидели меня такой, какой я выезжала из дома. Вы желали видеть достойную вас женщину, а я опять некрасива, уже никакой наряд не сможет украсить этого зареванного лица.

– Так вы хотели понравиться мне? – диар улыбнулся и опять сжал мои пальцы. – Поверьте, Флоретта, я и в вашем

ужасном мышинном платье считал вас достойной себя, и ваше заплаканное личико не делает вас менее достойной. Однако признаться, мне приятно, что вы думали о том, чтобы произвести на меня приятное впечатление. Особенно, памятуя о ваших страхах. Поверьте, дорогая невеста, вы уже это сделали одними только словами. Вам легче?

Я выдавила жалкую улыбку. Сиятельный диар приподнялся. Потянувшись, он склонился к моей руке и поцеловал ее.

– Сейчас вы выпьете чаю, чтобы окончательно прийти в себя, и я провожу вас до вашего поместья. Думаю, на дальнейшую прогулку вы сейчас настроены меньше всего, – сказал мужчина.

Он отпустил меня и поднялся со своего места. В дверь как раз постучались, и д'агнар Альдис позволил войти. Передо мной появилась чашка с успокоительным чаем. В кабинет вошел папенька, оглядел меня и удовлетворенно кивнул сам себе. И как только я ополовинила чашку и отодвинула ее от себя, сказав, что больше не хочу, мы покинули мастерскую инара Рабана, а после и Кольберн. Его сиятельство ехал на своем красавце-жеребце рядом с нашей коляской. На нас кидали любопытные взгляды, задерживая их на мне, и я поняла, что отныне стану излюбленной темой для обсуждений. По крайней мере, пока ко мне не привыкнут.

Глава 5

– Флоретта!

– Фло, сестрица!

– Фло-капуша!

– Мы едем к диару, мы едем к диару!

– Дочь!

– Иду я, иду, – проворчала я, глядя на свой выдавший виды саквояж.

Еще раз перебрала в уме, что мне может понадобиться, пока мы будем гостить у моего жениха, вздохнула и вручила саквояж Эггеру, не желавшему наслаждаться покоем. Однако не успел старый привратник покинуть моей комнаты, как в дверь вошел сам его сиятельство. Одарив меня строгим взглядом, он осведомился:

– Все взяли, что хотели?

– Кажется, да, – я кивнула.

– А комод?

– Комод? – опешила я. – Зачем комод?

– Вы собираетесь уже целый час, – невозмутимо ответил д’агнар Альдис. – За это время можно было погрузить всю мебель из вашей комнаты на телегу, однако я вижу один полудохлый саквояж. И потому я любопытствую, возможно, было бы проще просто забрать весь комод, и вам не пришлось бы весь этот час решать, что вам понадобится в моем

поместье, где все необходимое давно приготовлено и ждет вашего появления.

– Вы не могли предусмотреть всего, ваше сиятельство, – скромно потупившись, ответила я.

– И что же я мог не предусмотреть, когда третьего дня получил от вас список, способный поспорить своим содержанием с перечнем приборов в королевском обеденном гарнитуре? – в холодных и вечно равнодушных глазах мелькнула ирония, тут же растворившаяся за вежливым любопытством.

– Возможно, я что-то упустила, – уклончиво произнесла я.

Диар указал мне взглядом на дверь, пропустил вперед и окликнул Эггера:

– Милейший, остановитесь. Подайте-ка мне этот пыльный мешок. Да-да, это недоразумение с громким названием «сак-воаяж».

Старый привратник вернулся назад, подал диару мой сак-воаяж, и его сиятельство, подобно обычному грабителю с большой дороги, открыл его и сунул внутрь свой не в меру любопытный нос.

– Итак, – начал он, – дюжина носовых платков... Что еще? Гребень без двух зубцов... пудреница. Пустая? – на меня воззрились с недоумением.

– Там зеркальце, – пролепетала я.

– Зеркальце? – переспросил д'агнар Альдис.

– Оно красивое, – я смущенно потупилась.

– Хм... – подвел итог нашей беседе диар и продолжил возмутительный досмотр моих вещей. – Старый штопаный плащ. Тоже ваш любимый?

Признаться, сама не знаю, зачем его взяла. Скорей по рассеянности, однако теперь я чувствовала необходимость отстоять несчастный плащ, но...

– Отдайте собакам на подстилку, – мой плащ полетел в руки Эггера. – Платки туда же. Это что? – диар вдруг забрал обратно плащ и платки, запихнул их обратно, захлопнул саквояж и вручил его привратнику. – Все сжечь.

– Сжечь? – уточнила я, получила в ответ величественный кивок и пришла в крайнюю степень возмущения. – Ваше сиятельство, я против! Это мои вещи, и я...

Не произнеся ни слова, диар снова забрал саквояж у Эггера, добыл из него пудреницу и вручил мне.

– Вот ваше красивое зеркальце, такого в перечне точно не было. Так и быть, я готов с ним жить под одной крышей. Остальное сжечь.

– Дагнар Альдис!

– Агнара Берлуэн, не испытывайте моего терпения, – сухо ответил мой жених. – Вы и так издевались над ним целый час. Прошу.

Мне подставили локоть, собственноручно водрузили на него мою ладонь, накрыли второй сиятельной дланью, чтобы не вздумала сопротивляться, и самым возмутительным образом утащили вниз, где меня уже ждала моя родня. После

едва ли затолкали на Золотце и объявили поистине королевским тоном:

– Выезжаем.

И мы выехали. Сиятельный диар, я и Арти отправились в путь верхом, папенька и близнецы – в коляске. Продвигались неспешно, торопиться было некуда. Младший агнар Берлуэн негромко беседовал с сиятельным диаром. Сестры за нашими спинами оживленно обсуждали наше гостевание в поместье д’агнар Альдиса, папенька увещевал их вести себя приличней, и только я оставалась молчалива.

То, что мои сборы продлились столь долго, имело основание. Я нервничала. Диар вез нас к себе за несколько дней до бала, на котором он собирался представить меня свету и огласить нашу помолвку, чтобы я успела привыкнуть к поместью и чувствовала себя на приеме более уверенно. Мне надлежало познакомиться с прислугой, с самим поместьем, с усадьбой диара, где мне предстояло вскорости жить постоянно. И я бы может даже восприняла эту поездку как развлечение, но мои учителя уже ожидали меня в доме д’агнара Альдиса, и как раз отдохнуть и развлекаться мне никто не собирался позволять.

Я чувствовала себя неловко. На глазах прислуги их будущая хозяйка будет выслушивать нотации от учителей, словно малое дитя. Как станут они относиться ко мне? И что скажут агнары, когда это дойдет и до них? Я была практически уверена, что слуги его сиятельства могут проболтаться, и тогда

ко всему прочему меня обвинят в необразованности.

– Сестрица, ты мрачнее тучи, – заметил Артиан, прерывая разговор с диаром.

– Все хорошо, – как можно более независимо ответила я.

– Агнара Флоретта успела найти новый повод для своих опасений? – мой жених сказал это таким тоном, будто меня рядом не было вовсе.

– Ничуть, – фыркнула я.

– Фло, у тебя все на лице написано, – Арти широко улыбнулся, и я ответила ему хмурым взглядом. Предатель чуть склонился ко мне из седла и доверительно произнес: – Мне ты можешь рассказать все, и я могу поклясться, что никто не узнает твоей страшной тайны.

– Думаю, – усмехнулся диар, – наша маленькая трусишка снова видит для себя неведомую опасность. Осталось разгадать сей ребус и понять, чего опасается агнара Берлуэн.

– Я не трусиха! – возмутилась я. – А если трусиха, то вы, ваше сиятельство, разбойник с большой дороги и разоритель.

– Скажите, какая тирада, – я была удостоена насмешливого взгляда. – И такова ваша благодарность за то красивое зеркальце, что я столь милостиво оставил вам, дорогая невеста?

– Я уже не знаю, за что вас благодарить, ваше сиятельство. Куда ни глянь, везде должна... – я осеклась и зарделась. – Простите. Это было грубо.

– Да уж, – охотно согласился со мной жених. – Весьма грубо. Я почти оскорблен в лучших чувствах.

– Фло, – брат укоризненно покачал головой.

Я подняла голову и столкнулась с двумя обвиняющими взглядами. Открыла было рот, чтобы сказать, что вовсе не хотела казаться неблагодарной, но тут же его закрыла, поджала губы и ответила упрямым взором. Где это видано, чтобы на слабую женщину нападали сразу двое мужчин, один из которых родной и горячо любимый брат, а второй и вовсе жених.

– Трусиха, но воинственна, – отметил диар.

– О, ваше сиятельство, – протянул гадкий братец, – Флоретта далеко не трусиха, но мнительна и нерешительна сверх меры. Однако вы правы, она воинственна и мстительна, опасайтесь гнева моей сестры.

– Берегитесь, Артиан, взгляд агнары Берлуэн способен прожечь в вас дыру величиной со спелое яблоко.

– Вы бы знали, д’агнар Альдис, сколь мастерски моя сестра владеет зонтом, – не без гордости ответил младший агнар Берлуэн, и мне вдруг захотелось треснуть чем-нибудь обоих мужчин, даже его сиятельство, но, конечно, я такого не сделала, посчитав, что подобная выходка окончательно превратит меня в посмешище.

Вместо этого я пришпорила Золотце и уехала вперед них. Однако меня тут же догнали.

– Агнара Берлуэн, вы оскорблены? – полюбопытствовал

диар. – Знали бы вы, как я оскорблен вашими словами. Я вам зеркальце оставил, а вы...

– А еще вы приказали сжечь мои вещи, – буркнула я.

– Но зеркальце!

– Далось вам мое зеркальце, ваше сиятельство! – едва не плача с досады, воскликнула я. – Это маменькина пудреница. Она подарила ее, когда мне было всего семь лет. И гребень тоже принадлежал агнаре Берлуэн. И даже тот плащ. А вы... Вы...

– А я не имел понятия, что эти вещи – ваша память о маменьке, – отчеканил диар, не желая принимать на себя даже толику вины за самоуправство. – Пока вы не научитесь излагать ваши мысли, дорогая невеста, я буду делать то, что считаю нужным. И сейчас я считаю нужным проверить, как вы держитесь в седле. Если сможете первой добраться до дорожного указателя, я разрешу вам придумать мне наказание за сожжение вашего саквояжа. Если первым буду я, вы изложите подробно ваши новые опасения, без замалчивания и попыток извернуться. Я даже позволю вам галопировать первой. Отказа не приму. Вперед, дорогая невеста. Не каждому дается возможность отомстить мне. Вас, как свою будущую супругу, я могу побаловать даже этим. Вперед!

Его хлыст вдруг опустился на круп Золотца, и она, возмущенно заржав, сорвалась в галоп. Я едва не вылетела из седла от неожиданности. Сердце бешено колотилось, отдаваясь стуком в ушах. Кровь забурлила, понеслась по венам,

и уже через несколько минут испуг превратился в восторг. А мысль о мести пришлась по вкусу настолько, что кровожадная ухмылка сама собой скользнула на уста.

Впрочем, в душе я понимала, что мне никогда не обогнать диара, более искусного наездника, да и Золотце заметно уступала рыжему зверю д'агнара Альдиса. И все же помечтать о маленьком возмездии, дающем призрачную власть над всесильным мужчиной, было приятно. Как глоток воздуха в удушающем пузыре его заботы. Как бы диар ни посмеивался над моими опасениями и подозрениями, но мы уже были опутаны его щедротами, как паутиной, из которой не было возможности вырваться, не прославив неблагодарными. Нет, я не мечтала, чтобы он переменял свои намерения. Плоды его активной деятельности были слишком заметны, и я видела, как расцветает моя семья. Но агнцем на заклание оставалась я. И мне очень хотелось верить, что от меня не ждут чего-то такого, что я не смогла бы сделать с легкой душой и чистым сердцем. В любом случае, я собиралась стать диару хорошей женой.

Дорожный указатель показался неожиданно, и я едва не проехала мимо, увлеченная своей гонкой, но рыжий жеребец, чей повод был накинут на столб поверх стрелок, заставил меня изумленно ахнуть – д'агнар Альдис не обгонял меня во время скачки. Мой жених обнаружился недалеко от столба. Он удобно устроился на траве, щурился на солнце, и на устах его блуждала лукавая улыбка.

– Вы волшебник, ваше сиятельство?! – воскликнула я, осаживая Золотце. – Как вы это сделали?

– Более короткая дорога, – ответил он, сорвав травинку и сунув ее в рот. – Я лучше знаю эти места. Я проехал через рощу.

– Ваше сиятельство, – я мрачно посмотрела на него, – вы – плут. Плут и жулик.

– Бесчестный человек, – кивнул диар совершенно серьезно. – И это вы еще не знаете и половины моих пороков. Но играть со мной бесполезно, не терплю проигрышей, потому делаю все, чтобы оказаться победителем.

– Обдурить наивную девицу – не велик подвиг, – проворчала я.

– Я не буду вас слушать, – неожиданно сварливо произнес д’агнар Альдис, – вы лишаете меня сладкого вкуса победы.

Я усмехнулась и покачала головой. Диар поднялся с земли, выкинул травинку и подошел к нам с Золотцем. После протянул руки, ухватил меня за талию и стянул с лошади.

– Пройдемся, – сказал мужчина.

Он снял повод своего жеребца с дорожного столба, взял в другую руку повод от моей кобылки и указал взглядом вперед. Я послушно пристроилась со стороны Золотца, прячась за ее мордой.

– Нет-нет, Флоретта, хватит прятаться, – тут же произнес диар. – Идите ко мне и оплатите свой проигрыш. Жду вашего печального повествования о ваших страхах.

– Вы выиграли нечестно, – возразила я, подходя ближе.

– Протестую, – тут же отозвался мой жених. – Условием скачки было – оказаться первым у дорожного указателя, путь к нему не оговаривался. Моя победа чистая, и вы, как честная девушка, должны выполнить уговор. Приступайте.

Я повернула к нему голову, не без восхищения рассматривая этого человека. Умен, ловок, хитер, коварен... и слишком щедр. Ох, Мать Покровительница, как же я опасаюсь своего жениха...

– Хорошо, признаю, я был не до конца честен, и за вами остается право придумать мне ужасную кару за то, что вел себя слишком вольно. Но мне есть, чем оправдать себя, ваши долги сборы привели меня в крайнюю степень раздражения. И все же это не снимает с меня вины, это я тоже признаю. И за мой нечестный выигрыш вы тоже вправе со мной поквитаться. Вы довольны? – диар скосил на меня глаза, ожидая ответа.

Я помолчала, обдумывая его слова и отыскивая в них подвох. Однако вскоре сдалась и кивнула.

– Теперь ваши откровения, Флоретта.

– Почему вы так опекаете меня, ваше сиятельство? – спросила я его. – Я никак не могу вас понять. То вы вовсе не замечаете меня, то вдруг начинаете проявлять повышенное внимание. Но в том и в другом случае мне кажется, что вы преподаете мне урок за уроком. Меньше всего это похоже на взаимоотношения жениха и невесты, скорей, дядюшки и

племянницы, или же старшего брата и его неразумной младшей сестры.

– Это гнетет вас?

– Нет, – вынужденно призналась я. – Верней сказать, да. Но моя тревога была совсем иной.

– Тогда начнем с ваших тревог, – усмехнулся д'агнар Альдис. – Я жду, Флоретта, поведайте мне.

Отмалчиваться дальше не имело смысла. Собравшись с духом, я все-таки высказала д'агнару Альдису свои опасения в будущем отношении ко мне его слуг и распространению слухов.

– Вы считаете образование позором? – уточнил диар.

– Вы ведь поняли меня, ваше сиятельство, – досадливо поморщилась я. – Образование не может быть позором, но повод уколоть меня тем, что жениху приходится восполнять пробелы в воспитании своей невесты, может иметь место. Злым языкам и так хватит пищи. Мне не хотелось бы множить им темы для насмешек.

Д'агнар Альдис никак не отреагировал на мои слова, и мне показалось, что всё сказанное мной, кажется ему вздором, однако ответ он все-таки дал.

– Дорогая моя, вы должны понимать: во-первых, моя прислуга знает, чем грозят им неосторожные высказывания и сплетни, во-вторых, глупых людей я подле себя не держу, и вам меньше всего стоит переживать по поводу мнения прислуги. Но тут виной всему ваша неискушенность. В вашем

доме слуги жили на положении почти членов семьи, поверьте, в моем доме прислуга остается прислугой, и что обо мне думают мои люди, меня волнует меньше всего. Я достаточно им плачу за то, чтобы мои распоряжения выполнялись быстро и точно. Нашей с вами семьи их носы не коснутся. Ну и последнее. Обижать мою невесту, а после и супругу, я не позволю никому. Вы – моя и этого достаточно, чтобы я стал хранителем вашего покоя. Флоретта! – неожиданно воскликнул диар, и я вздрогнула, – как вы заставляете меня произносить столь длинные речи? – но не успела я ничего ответить, как мой жених указал в сторону дороги. – А вот и ваши родные, пора вернуться в седло.

Стоит ли говорить, что на этом наш разговор прервался? Я так и не успела вставить ни слова, и уж тем более не услышала ответы на все свои вопросы. Хитрый и скрытный мужчина вновь обвел меня вокруг пальца, дав крошки, но не утолив голод полностью.

Первое, что бросилось мне в глаза, была тревога моих родных, даже сестры ненадолго притихли, переводя напряженный взгляд с меня на его сиятельство.

– И кто же выиграл скачку? – преувеличено весело спросил Артиан, продолжая испытующе смотреть на меня. Чтобы успокоить брата и отца, чей недовольный взгляд был прикован к диару, я улыбнулась и уже собралась ответить, как меня опередил мой жених.

– К своему позору вынужден признаться, что смухлевал и

срезал путь. Так что победа достается агнаре Берлуэн. Примите мои поздравления, Флоретта, и благодарность за доставленное удовольствие и приятную беседу в ожидании вашей семьи.

С ответом я опять не нашлась, лишь кивнула и смущенно улыбнулась. Мои родные заметно расслабились, не найдя подтверждений своим опасениям. Обиды мне не причинили. Удостоверившись, что мое семейство успокоилось, я перевела удивленный взгляд на диара, и он, подмигнув мне, негромко произнес:

– Я честный человек, дорогая моя агнара. По всем правилам победа ваша, потому я оставил за вами право на изобретение мне кары.

В это мгновение к портрету моего жениха прибавился еще один штрих – врун! Бессовестный врун. Он так натурально уверил меня, что победа за ним, что я попалась на удочку, как последняя простофиля. Бросив возмущенный взгляд на д'агнара Альдиса, я не удержалась от усмешки. Передо мной вновь была невозмутимая глыба льда. Воспитанная, учтивая, но всего лишь холодная глыба. Меня удостоили едва приподнятой в недоумении бровью и больше не обращали внимания. Все, что меня касалось, похоже, я уже узнала.

Диар отлично играл роль замороженного идола, и не менее великолепно давался ему образ ироничного человека, открытого для откровенной беседы, и под какой из этих личин скрывался настоящий д'агнар Аристан Альдис, мне еще

предстояло разобраться. Хотелось бы верить, что второй облик принадлежит ему от рождения, с интриганом я все-таки чувствовала себя спокойней, хоть и не знала, чего ожидать от его светлости в следующую минуту. И все же этот образ был живым, физически осязаемым, в отличие от равнодушного и непробиваемого айсберга, сейчас царственно восседавшего на рыжем жеребце.

Впрочем, с моим братом они продолжали перебрасываться репликами, до меня же дела, казалось, нет уже никому. Я была предоставлена самой себе и тратила это время не наблюдения за своим женихом. Не так уж часто я удостаивалась подобной чести. Я украдкой бросала взгляды на его лицо, отмечая мужественный профиль, горделивую посадку головы, величавую статью. Закрывает глаза и прислушалась к голосу, улавливая его мягкое бархатистое журчание. Мне живо представился кот, уютно свернувшийся клубком на подушках. Расслабленный, спрятавший до поры свои когти. Милый и не опасный зверь. Открыла глаза, снова взглянула на мужчину и тут же вздохнула – на уютного кота он был совсем не похож.

– Агнара Флоретта, – я вздрогнула от неожиданности и повернулась в сторону диара. – Обратите внимание, дорогая невеста, отсюда начинается наше с вами поместье. Сейчас мы уже едем по моим, а в скором будущем и вашим землям.

– Да, разумеется, – сконфужено ответила я.

Эта была еще одна черта в женихе, смущавшая меня. Он

как-то сразу одарил меня правами на свои земли и имущество. «Наше» – звучало из его уст, как само собой разумеющееся, а я ужасно смущалась, памятуя, что и это «наше» – тоже только его милостью. И видеть себя хозяйкой целого диарата мне было дико. Женой диара могла себя представить, а диарой – нет. Кто я? Скромная девушка из Богиней забытого поместья, какая из меня хозяйка диарата? Но д’агнара Альдиса такая мелочь, как мой священный ужас перед будущим титулом, кажется, вовсе не волновала.

– Обратите внимания, Флоретта...

Сейчас он беседовал только со мной, без всякого бахвальства и высокомерия знакомя со своими землями. Ни папеньку, ни брата его сиятельство ни разу не привлек к разговору. Они молча слушали и поворачивали головы, куда указывал мне диар, но не задавали вопросов, не восторгались, не хвалили, словно их тут не было вовсе. Но и я молчала, спросить или сказать мне было нечего. Сомневаюсь, что в те минуты я вообще что-то запомнила из сказанного моим женихом. Голова шла кругом, когда я смотрела на желтеющее море пшеничных колосьев, которое мы проезжали мимо. И на черепичные домики близлежащей деревни я глядела с детским восхищением, словно поселение было макетом, выставленным на витрине игрушечной лавки. До некоторых пор о таком богатстве я могла читать только в книгах.

А когда издалека показалась крыша усадьбы д’агнара Альдиса, я и вовсе потеряла дар речи и, затаив дыхание, следила

за приближением огромного великолепного строения, украшенного колоннадой, барельефами и статуями на крыше. Невероятное впечатление на меня произвел цветник, разбитый перед парадной лестницей. И сад, в который уводила неширокая, усыпанная белыми камушками дорожка, показался мне и вовсе сказочным.

– Вам нравится? – лед диара снова дал трещину, и на губах его появилась мягкая добродушная усмешка.

– Очень, – выдохнула я.

– Я рад, – ответил его сиятельство, и человек вновь превратился в истукана.

Нас встречала целая череда лакеев, одетых в синие лифреи, белые панталоны и черные туфли с щегольскими пряжками. При виде хозяина они дружно склонили головы, однако любопытные взгляды я успела уловить. Сам же диар, отдав распоряжение помочь гостям и отнести багаж в приготовленные для нас комнаты, спешил и помог мне спуститься с лошади. После подставил локоть, и как только я накрыла его подрагивающими от волнения пальцами, произнес:

– Ну вот вы и дома, дорогая Флоретта.

Взгляды прислуги снова сошлись на мне, и я, ощущая, как пылают щеки, постаралась принять независимый вид, подобающий будущей хозяйке всего этого великолепия, позволила ввести меня во дворец диара. Следом за мной и д'агнаром Альдисом поднимался по широкой лестнице Артиан. За ним шествовал папенька, подле которого семенили притих-

шие близнецы. В отличие от нас с сестрами оба агнара Берлуэна здесь бывали и чувствовали себя не в пример уверенней.

– Надеюсь, вам понравятся ваши комнаты, Флоретта, – между тем говорили мой жених. – В будущем они так и останутся вашими. Я посчитал для вас гостевые покои излишними. Если вас что-то не устроит, говорите, их переделают по вашему вкусу.

– А где будут жить мои родные? – забеспокоилась я.

– Не переживайте, приличия будут соблюдены, – едва заметно улыбнулся диар. – Ваша семья будет размещена рядом с вами. Мои комнаты находятся намного дальше, и в будущем я не буду беспокоить вас своим соседством.

Отчего-то эти слова неприятно резанули мне слух. Д'агнар Альдис поселил меня вдалеке от себя, стало быть, он не столько не желал беспокоить меня, сколько хотел, чтобы я не беспокоила его. Но разве не именно это я сама намеревалась делать? Не так давно я сама решила не путаться у супруга под ногами, раздражая и мешая ему. И всё-таки я несколько расстроилась. Впрочем, объяснение своему огорчению нашла быстро. Его светлость был единственным, кого я здесь знала, и остаться одной после соседства шумных близнецов и любимого братца будет тяжело. Надеюсь, что затворницей в этом великолепном дворце я все же не стану.

– Обещаю, что скучать вы не будете, – словно услышав, о чем я думаю, произнес мой жених. – Но обо всем постепен-

но. Сейчас располагайтесь, привыкайте, отдыхайте. Вскоре я приду за вами и покажу дом.

– Как вам угодно, ваше сиятельство, – склонила я голову.

Диар поцеловал мне руку, ободряюще пожал пальцы и ушел. Я оглянулась на своих родных, перед которыми лакеи открывали двери их комнат. Папенька, заметив мой растерянный взгляд, улыбнулся и показал глазами, чтобы я вошла. Кивнув ему, я набрала полную грудь воздуха, словно собиралась нырнуть, посмотрела на лакея, склонившегося передо мной в поклоне у распахнутой двери, и решительно шагнула в мои, уже мои, покои.

– Доброго дня, агнара Берлуэн.

В комнатах меня уже ждали горничные. Они коротко присели передо мной в книксене, а после закружили в деловитой суете, то называя свои имена, то показывая место моего нынешнего обитания, то тыкая пальцами на колокольчик, при помощи которого я могла призвать их. Передо мной распахнули створы огромной гардеробной, и я с восторгом уставилась на свои платья, доставленные из мастерской инара Рабана. Не хватало только воздушного свадебного чуда, но его время еще не пришло. После я увидела туалетный столик, на котором стояло зеркало в красивейшей позолоченной оправе. На столике лежал совершенно новый гребень со всеми зубцам. А еще... Я нашла множество носовых платков с моей монограммой. Часть имела инициалы «Ф.Б», часть – «Ф.А.». И это вновь привело меня в замешательство. В это мгнове-

ние я осознала, что еще ни разу не примеряла на себя новую фамилию. Диара Данбьергская, д'агнара Флоретта Альдис. Ох, Мать всего сущего, как же это странно звучит – Флоретта Альдис... А куда же денется агнара Берлуэн? Исчезнет? Растворится, как утренний туман? Двадцать лет жила и вдруг растает?

– Чем мы можем служить вам? – вежливо, но без подобострастия спросила одна из горничных.

Я попыталась собраться с мыслями, мучительно вспоминая, что принято отвечать в таких случаях. Дома бы я попросту упала в кресло, закрыла глаза и так посидела, приходя в себя. Но во дворце диара нужно было вести себя как-то иначе.

– Возможно, вы хотите сменить платье для верховой езды? – пришла мне на помощь самая молодая горничная.

– Да, – ухватилась я за ее слова и почувствовала некоторое облегчение. – Воды, чтобы умыть лицо от пыли. И стакан холодной воды, очень хочется пить.

За уточнение я почувствовала неловкость. Как там говорил д'агнар Альдис? «Мои распоряжения исполняются быстро и точно». И уж он-то вряд ли стал бы пояснять, что и для чего ему нужно. Все эти горничные и лакеи вовсе не напоминают нашу прислугу, и мне придется учиться еще и искусству быть госпожой и хозяйкой в доме... если, конечно, моему жениху я буду нужна, как хозяйка.

– Флоретта Альдис, – прошептала я и хмыкнула. – Неле-

пость какая-то.

– Вы что-то сказали, агнара Берлуэн? – спросила женщина, оставшаяся со мной, и я, наконец, покраснела.

День прошел на удивление легко и быстро. Его сиятельство оказался прекрасным хозяином. Правда, большая часть его времени была посвящена мне, но мои родные не скучали. Сестрицы обнаружили в саду качели, приготовленные к их приезду, пруд с маленькой лодочкой с резными бортами и головой лебеда на носу. Эта лодочка до того восхитила их, что от пруда они уже не отходили. Папенька остался с близнецами, до изнеможения катая их по водной глади. Артиан, продолжая соблюдать правила приличия, шествовал за нами с хозяином поместья. Однако я заметила, как приосанился братец, глядя на молоденькую горничную, зардевшуюся при его появлении. На мой насмешливый взгляд, младший агнар Берлуэн ответил невозмутимым видом и задрал нос, разом став важным и напыщенным, чем развеселил меня, и диар был вынужден остановиться и подождать, пока я прекращу попытки подавить смех.

Немного погодя братец вдруг отстал, и мы с женихом некоторое время оставались одни. Впрочем, упрекнуть д'агнара Альдиса было не в чем. Манеры его были безупречны, тон неизменно вежлив и никаких вольностей он себе не позволил. Потому, когда вернулся Артиан, он застал нас в беседе, сидящими на противоположных скамейках. Диар рассказывал мне историю поместья, я внимательно слушала ее.

Сделав вид, что он все это время находился поблизости, братец уселся рядом со мной, но блеск его глаз не заметить было сложно.

– Агнар Берлуэн, – прервался мой жених, – приятно снова лицезреть вас. Видами любовались?

– У вас здесь прекрасные виды, ваше сиятельство, – сияя улыбкой, ответил Арти.

– Вы знаете, что браконьерам принято отрубать те части тела, которые мешают им думать? – красиво изломив бровь, полюбопытствовал диар.

– Хвала Богине, что я не браконьер, – с непередаваемой наглостью произнес братец.

– Тем лучше для вас, дорогой будущий шурин, – усмехнулся д'агнар Альдис. – Запомните раз и навсегда: охота в моем поместье запрещена. Ваша дробь не должна задеть трепетных ланей, что бродят по этой земле. Но за пределами поместья вы вольны стрелять в кого и сколько угодно.

– Я учту законы этого леса, ваше сиятельство, – склонил голову Артиан.

– И учтите особо: приручая лань, вы берете на себя ответственность за ее сохранность и здоровье, – закончил диар.

– Вы совершенно правы, ваше сиятельство, – уже без шутовства ответил мой брат.

А я переводила взгляды с одного мужчины на другого, силясь понять, что за аллегории сейчас идут в ход. После снова посмотрела на братца, прищурилась, вспоминая служан-

ку, и смысл только что прозвучавшей беседы дошел до меня. Прикрыв рот ладошкой, я постаралась не залиться краской.

– Простите, Флоретта, этот разговор должен был состояться позже, я зря затеял его при вас, – с прохладной вежливостью сказал мой жених. – Но меня бесконечно радует, что иносказательность беседы вы поняли. Полезное знание, нам стоит с вами попрактиковаться.

– Как скажете, ваше сиятельство, – послушно склонила я голову.

Диар вернулся к прерванному рассказу, но я уже слушала его не так внимательно. Поглядывала на Арти и думала, откуда у него такой талант к иносказанию? После вспомнила своего веселого и спорого на проделки братца и поняла, что ему посчастливилось родиться более сообразительным, чем его старшая сестрица. Досадно...

– Вас что-то расстроило, Флоретта? – вновь прервался диар.

– Нет, ваше сиятельство, – улыбнулась я и снова превратилась в само внимание.

Когда мы разошлись по комнатам, распрощавшись до утра, я думала, что усну мгновенно. Однако кровать мне казалась слишком большой, перина слишком мягкой, одеяло жарким, все было слишком. Я отчаянно скучала по своей опочивальне в родительском доме, но оставалось только мечтать о возвращении домой, и я все-таки попробовала уснуть.

Не вышло. Промучившись не менее часа, я сдалась и села на постели. После взглянула в сторону окна. За прозрачными стеклами шумели деревья. Звезды яркой россыпью заполнили почерневшее небо. Подойдя к окну, я приоткрыла его, вдохнула полной грудью прохладный ночной воздух, немного подумала и решилась.

Накинув халат, я плотно запахнулась в него, откинула на спину распущенные волосы и осторожно выглянула в коридор, но дворец диара спал. Я прокралась на цыпочках к лестнице, спустилась на террасу и потянула большую стеклянную дверь. Она оказалась открыта, позволив мне выскользнуть на улицу.

Воровато оглядываясь я побежала по дорожке, ведущей к саду. Уже более спокойно прошла мимо деревьев, едва не заблудилась в темноте, но плеск воды все-таки вывел меня к пруду. Здесь я убедилась в своем уединении и облегченно вздохнула. Подошла к кромке воды, присела на корточки и потрогала легкую рябь, набегавшую на берег. Вода была холодной, и я, передернув плечами, отошла в сторону. Затем огляделась, вспоминая, где видела скамейку...

– Доброй ночи, дорогая невеста, – вдруг услышала я и спешно отступила в тень. – Я за вами наблюдаю с тех пор, как вы появились на берегу, можете не прятаться.

– Ваше сиятельство, – я повинно склонила голову. – Простите.

– За что, Флоретта? – мужчина поднялся с той самой ска-

мейки, которую я столь безуспешно пыталась найти в темноте.

– Я... – замешкавшись, я искала достойную причину, побудившую незамужнюю девицу ночью покинуть свою постель. – Мне не спалось... Я уже ухожу.

– Постойте, – я остановилась и опустила глаза, стараясь не смотреть на д'агнара Альдиса. – Составьте мне компанию. Кажется, вы хотели прокатиться на лодке?

– То было днем, – попыталась я отказаться, уже отчаянно жалея, что вообще пришла сюда.

– Зато ночью романтичней, – усмехнулся диар. – Вы сегодня сокрушались, что я не обращаюсь с вами, как жених с невестой. Считайте, я услышал вас и приглашаю на лодочную прогулку по ночному пруду.

Он протянул руку, помешкав, я все-таки вложила в раскрытую ладонь свои пальцы. Диар склонился, не сводя с меня пристального взгляда, и коснулся губами запястья.

– Флоретта, вы очаровательны в своей стыдливости, – неожиданно улыбнулся мой жених.

Он подвел меня к лодке, нос которой был вытасчен на берег, помог сесть и столкнул в воду наше маленькое суденышко. После запрыгнул в лодку сам и взялся за весла. Мой взгляд остановился на маленьких волнах, расходящихся клином от носа лодки, неспешно скользившей по черной глади пруда. Глядеть в темную глубину было жутковато, и я подняла взгляд на своего спутника, но тут же снова опустила

голову вниз, спрятавшись за волосами, упавшими на лицо.

– Уберите волосы, Флоретта, – почти приказал д’агнар Альдис. – Не прячьтесь, это не имеет смысла.

Я послушно откинула на спину пряди и посмотрела на диара.

– Да, так лучше, – кивнул он, – при разговоре желательно видеть глаза собеседника. Как прошел ваш день, Флоретта?

– Вам ли не знать? – улыбнулась я. – Вы все время были рядом.

– Но ваши мысли мне неведомы, – ответил мужчина.

– Это был увлекательный и познавательный день, ваше сиятельство.

– Я ваш будущий супруг, агнара Берлуэн, со мной вы можете быть откровенны, – внимательный взгляд серых глаз не отпускал меня, заставляя снова нервничать.

– Мне действительно понравилось ваше поместье, дворец, ваше гостеприимство, просто... Непривычно.

– Привыкнете, – улыбнулся д’агнар Альдис. – Это всего лишь дело времени. Через месяц вы станете здесь полноправной хозяйкой. Обещаю, что помогу вам освоиться как можно быстрее. От вас же жду искренности, чтобы больше не пришлось уловками вытягивать то, что угнетает вас. Лучше скажите сразу, я никогда не откажу вам во внимании.

В это мгновение я испытала возмущение. И раз уж мой жених желает, чтобы я была с ним искренней, то отчего бы и не удовлетворить его желание?

– Ваше сиятельство, вы требуете от меня искренности, однако сами уклоняетесь от ответов на мои вопросы, – напомнила я. – Не далее, как сегодня... уже вчера, у дорожного указателя, вы обещали дать ответы, но лишь воспользовались случаем увильнуть от них.

До меня донесся короткий смешок, но ответ прозвучал невероятно серьезно:

– Стало быть, по-вашему, я бесчестный вертлявый тип?

– Но ведь и я, по-вашему, трусливая врушка, – парировала я.

– Мы с вами отличная пара, дорогая невеста, – уже открыто рассмеялся диар. – Лишний раз убеждаюсь, что сделал верный выбор.

– Но на чем он был основан? – не удержалась я.

Лунный свет позволил мне увидеть, как мужчина закатил глаза, опустил весла в лодку и скрестил руки на груди.

– Вы невероятная зануда, – сказал он, насмешливо глядя на меня. – Я ведь уже все объяснил вам, когда вы изволили дать от меня стрекоча, прикрываясь собственными сестрами. Что вас не устроило в моих пояснениях? Вы недовольны тем, как меняется жизнь вашей семьи? Предпочли бы видеть ее в прежнем плачевном состоянии? Не желаете выходить замуж? Отчего эта дотошность?

– Вы опять увильваете, – проворчала я, потому что ответить мне было нечего. И перемены мне нравились, и за свою семью я была рада, и замуж, признаться, мне тоже хотелось.

– Отнюдь, – возразил д’агнар Альдис. – Что вас смущает? Вы жаловались на то, что я отношусь к вам, как к племяннице или младшей сестре. Вам не хватает ухаживаний с моей стороны? Приношу свои извинения, но я посчитал, что мои деяния говорят намного больше, чем пустые комплименты, лицемерные и лживые признания. Разве вы не согласны со мной, агнара Берлуэн? – он вдруг устало вздохнул. – Хорошо, давайте начистоту. Мы с вами не влюблены друг в друга. Меня не сжигает страсть, когда я смотрю на вас, вы не таете при моем появлении, напротив, постоянно насторожены, ожидаете подвоха, копаетесь в мотивах моего выбора. Однако мы с вами раз за разом находим общий язык, у нас получается выстроить диалог. Конечно, если вы не начинаете смущаться и не тратите время на поиск достойного ответа. Для вас важно произвести на меня впечатление, вы ожидаете моего одобрения, я это вижу. И меня бесконечно радует, что я становлюсь вам ближе. В свою очередь могу сказать, что мне нравится заботиться о вас, думать об удобстве, и возможные нападки на вас уже заранее злят меня. К тому же, совершенно неожиданно, я привязался к вашей родне, и проводить время с семейством Берлуэн для меня стало весьма приятным занятием. Разве это не кажется вам более важным, чем громкие фразы, не имеющие под собой основания? Я уже говорил вам и повторяю еще раз: семья, основанная на дружеской привязанности, доверии и взаимоуважении, намного крепче той, что создается в пылу страсти. Влюбленность

проходит, и хорошо, если отношения перерастают в крепкую дружбу супругов. Я видел достаточно семейных пар, в которых пора пылких чувств сменяется прозрением, и рядом существуют два посторонних человека, которых связал свадебный обряд и дети. Так почему бы нам сразу не начать с более прочного фундамента, чем шаткая влюбленность? Что вы на это ответите, Флоретта?

– Вы, несомненно, правы, ваше сиятельство. За вами стоят годы и жизненный опыт, за моей спиной лишь уединение и пустые мечты...

Я замолчала. Особо сказать оказалось нечего. Диар был прав от начала и до конца. Что проку в признаниях? Всего лишь красивые слова и не более. И если бы д'агнар начал вести себя со мной иначе, разыгрывая влюбленность или говоря то, что заведомо было ложью, и я знала об этом, вряд ли бы я смогла долго сдерживать досаду и раздражение. Самолюбие мое было бы уязвлено намного больше, чем от его шуток и беззлобных подначек. И даже его холодность казалась мне предпочтительней сладкой лжи. Нет-нет, все верно. Мы можем стать добрыми друзьями и поддержкой друг другу. Я буду заботливой супругой, диар станет внимательным мужем, и это правильно. Да и учителя – это тоже забота, а не попытка высмеять. А что до того, что я чувствую себя маленькой девочкой рядом с ним, так то всего лишь разница в возрасте. К чему вообще были мои обиды? Обычная девичья глупость и мнительность.

– Я понимаю вас, Флоретта, – прервал мои размышления д’агнар Альдис. – Вы еще слишком молоды, и ваша душа желает страстей...

– Ах, ваше сиятельство! – воскликнула я. – Какие страсти? Я уже давно не мечтаю ни о каких страстях. И ваше предложение для нищей безвестной бесприданницы стало поистине даром Богини. Единственное, что меня смущало – это причина, которая побудила вас выбрать в жены именно такую девушку. В остальном я клянусь быть вам послушной женой и верным другом. О большем и мечтать не смею.

– Вот поэтому я и выбрал именно вас, – улыбнулся диар. – Вы не избалованы, не капризны. Не ожидаете от меня больше того, что я могу вам дать. Вы готовы к послушанию, и это, несомненно, радует. Я нашел супругу, которая отвечает всем моим требованиям. Надеюсь, что мой ответ, наконец, удовлетворит вас, и мы перестанем ходить по кругу, бесконечно выясняя одно и то же. В конце концов, это станет утомительным. А мне не хотелось бы думать о вас с раздражением.

– И снова вы правы, ваше сиятельство...

– Аристан, – прервал меня диар, и я удивленно взглянула на него. – Я обращаюсь к вам по имени, почему бы и вам не перейти на более домашнюю форму обращения?

– Я... – неожиданно поняла, что не могу произнести его имени. Это казалось мне кощунством, грубостью. Впрочем, если задуматься, меня больше напугало то, что это окажется

следующим шагом к сближению.

– Ну же, Флоретта, – мужчина теперь с интересом следил за мной. – Я не прошу вас сокращать мое имя, или же выдумывать милое домашнее прозвище. Всего лишь имя, данное мне при рождении. Аристан.

– А... Арис...тан, – мои слова мне самой показались блеянием. Сердито нахмурившись, я пророкотала: – Ар-р-ристан.

– Ух, как грозно, – фальшиво испугался диар, вскинув руки. – Да вы опасный зверь, Флор-р-ретта!

Он весело рассмеялся, а я... я, как обычно, поспешила залиться досадливым румянцем.

Глава 6

Волнение? О нет, это совершенно не то, что я испытывала. Трепет, помноженный на священный ужас – вот, что переполняло меня с самого утра. Еще с вечера я ложилась спать полная уверенности в себе и желания пройти это испытание с честью. Однако всю ночь мне снились конфуз за конфузом. То я подворачивала ногу, то, наоборот, наступала на ноги своему кавалеру, то падала посреди танца под всеобщий хохот. То мне снилось, что его сиятельство выгоняет с позором всю нашу семью, и затея со свадьбой оказывается всего лишь злой шуткой. А то на меня вновь неслась карета, прямо по бальному залу. Результатом всех моих кошмаров стало дурное настроение и дрожь в руках, как только я думала о том, как на меня будет смотреть множество чужих людей, для которых я, как и для агнары Керстан, всего лишь выскочка.

На завтрак я вышла бледной, мрачной и молчаливой. Его сиятельство с утра отсутствовал, занимаясь каким-то своими делами, и в столовой находились только мои родные. Без диара за столом повисла неловкая тишина. То, что мы в гостях, почти забылось, пока хозяин дома был с нами, умело создавая приятную атмосферу, сейчас же мы все чувствовали себя бедными родственниками у роскошного стола. Даже лакеи, кажется, поглядывали на нас с превосходством. Впрочем, это могло мне только казаться. Лица прислуги могли по-

спорить своей невозмутимостью с выражением лица их хозяина. И все-таки без д'агнара Альдиса исчезло чувство домашнего уюта. И я исподволь ожидала его возвращения.

К тому же он придавал мне уверенности, став тем стержнем, который поддерживал в минуты слабости и сомнений.

– Флоретта, переживать не о чем. Я рядом с вами. А когда мне придется уделить внимание гостям, с вами останутся ваш папенька и Артиан. К тому же все ваши танцы так же заняты мною за исключением нескольких, парой в которых вам станут ваши родные. Никто посторонний на этом балу не пригласит вас, а если пригласят, вы будете отвечать, что танец занят. Никто вас не обидит и не унизит, тем более в моем доме. Даже завистники на это не осмелятся. Держитесь с достоинством, этого будет достаточно.

Это мой жених говорил еще вечером, и я согласно кивала, уверенная в том, что все так и будет. Но вот прошла ночь, диара не было, и я начала придумывать всяческие ужасы. Завтрак я закончила первой, несмотря на то, что явилась последней. За мной вышел брат, после отец с близнецами. Не стовариваясь, мы дружно спустились вниз и покинули дворец. До приезда первых гостей оставалось еще несколько часов, и мне хотелось это время провести на воздухе, чтобы успокоиться и вернуть прежнюю уверенность. Подвести д'агнара я не желала вовсе.

Сестрицы, чувствовавшие себя в поместье диара свободней всех, поспешили к пруду, он стал их излюбленным ме-

стом для гуляния. Горничные, приставленные к девочкам и ожидавшие возле столовой, последовали за близнецами. Папенька поглядел им вслед, поджал губы и направился за сестрами и горничными. Опасения нашего родителя по поводу того, что служанки могут быть невнимательны, пока дочери играют возле воды, никак не могли оставить старшего агнара Берлуэна, и он упорно следил за близнецами, несмотря на заверения диара.

Арти взял меня за руку, и мы побрели по ухоженным дорожкам. Брат молчал, мне тоже не хотелось разговаривать. Я изо всех сил старалась казаться спокойной. Выходило не очень. Предательская привычка теревить манжет, когда я нервничала, выдавала меня с головой. И пусть я сейчас то и дело поправляла оборку на платье, но Артиану этого хватило, чтобы крепче стиснуть мою ладонь и признаться:

– Я тоже боюсь. До колик.

– Его светлость нас защитит, – слабо улыбнулась я.

– Еще чего, – фыркнул братец. – Он твой жених, пусть тебя и защищает. А я мужчина, и прятаться за спиной диара не собираюсь. Общение с д'агнармом Альдисом меня кое-чему научило, и отмалчиваться я больше не буду. Хватит.

– Арти! – воскликнула я, с тревогой глядя на него. – Ты же не собираешься устроить скандал на оглашении моей помолвки? Я и так трясусь, как осиновый лист, как только вспомню ту ведьму и ее выходку. А если...

– Успокойся, – брат выпустил мою ладонь и запустил пя-

тернию в волосы. Это тоже была привычка, выдававшая волнение младшего агнара Берлуэна, – намерено ни на кого кидаться не буду. Но если кто-то вздумает оскорбить мою семью или меня, отмалчиваться не стану. – Он вдруг развернулся ко мне лицом, и глаза Артиана сверкнули. – Знаешь, Фло, я восхищен манерой диара держаться. Хотел бы и я быть столь хладнокровен, но уметь поставить на место одним только словом. Ты думаешь, он так мил со всеми, как с нами? Тогда ты совсем не знаешь своего жениха! Не человек, а каменный истукан.

Я усмехнулась и продолжила свое неспешное движение по дорожке. Вот уж удивил. Брат догнал меня и пристроился рядом. Он поглядывал на меня, словно желая что-то сказать, но не решался.

– Говори, – велела я с улыбкой.

– Да... – братец замялся. – Просто я хотел сказать, что...

Ну-у...

– Ты испытываешь мое терпение, Арти, – раздраженно поторопила я его. – Я и так не в лучшем расположении духа.

– Я хотел сказать, что диар, кажется, испытывает к тебе склонность, – выпалил агнар Берлуэн. – И если ты сумеешь окончательно растопить его сердце...

Мой смешок остановил брата на полуслове.

– Что? – хмуро спросил Артиан.

– Он поселил меня подальше от своих покоев, предложил дружбу, как фундамент для брака и дал четко понять, что

чувствам между нами нет места, – ответила я и вздохнула с нескрываемой грустью. – Я приняла условия. Арти, я даже не уверена, что у диара нет дамы сердца. Но, как жена, ему, по его словам, больше подхожу я. Однако думать о возможных любовницах своего будущего супруга я не желаю. Надеюсь только, что его связи не станут достоянием гласности.

– Какая глупость! – воскликнул братец.

– Несомненная глупость, – неожиданно раздался голос моего жениха за нашими спинами.

Мы с Артианом порывисто обернулись, и покраснели, как воришки, пойманные за руку.

– Ваше сиятельство еще и любит подслушивать? – ворчливо спросила я, пряча смущение.

– Вы же знаете, драгоценная моя, – д’агнар Альдис взял меня за руку и поднес ее к своим губам, – я совершенно испорченный человек. Боюсь, даже Мать Покровительница уже бессильна изменить меня. Значит, ко всем моим прочим грехам вы прибавили еще и блуд? Очень мило. И заметьте, я даже не дал вам повода для подозрений.

– Это было всего лишь предположение, основанное на нашем с вами договоре, – мне удалось взять себя в руки, и я поспешила сменить течение беседы в иное русло. – Как прошло ваше утро, д’агнар Альдис?

– В разъездах, агнара Берлуэн, – светским тоном ответил мой жених. – Не составите мне компанию? Нужно проверить, как идет подготовка к приему.

– У вас прекрасная прислуга, – заметила я. – Думаю, беспокойство излишне.

– Первое правило хорошего хозяина, дорогая моя, держать все под контролем. И тогда вы избежите неприятных неожиданностей, – наставительно произнес диар. – Когда мы поженимся, я с радостью переложу на вас эту часть своих обязанностей. Буду сидеть в кресле с газетой, пока вы занимаетесь домом и прислугой.

– И будете ждать от меня отчета? – улыбнулась я, понимая, что такой человек, как Аристан Альдис не сможет удовлетвориться чтением газеты, не вникая в происходящее рядом с ним. Зато теперь стали более понятны его визиты на мои занятия и разговоры с преподавателями. Контроль. Разумеется, в такие моменты я его интересовала меньше всего. Диар следил за тем, чтобы нанятые им преподаватели исправно исполняли возложенные на них обязательства.

– Разумеется, буду, – подмигнул мне мужчина. – И я стану невероятно мстителен, дотошно разбираясь во всех мелочах, равно как это делаете вы, Флоретта.

– Еще и мстителен, – не сдержала я усмешки.

– Список моих грехов безграничен, – невозмутимо ответил диар и подал мне руку. – Идемте же. Времени не так много. Через пару часов пожалуют первые приглашенные гости, а у меня есть еще неотложные дела по диарату. Агнар Берлуэн, вы с нами?

– Нет, – Арти отрицательно покачал головой. – Пожалуй,

посмотрю, что вытворяют наши младшие проказницы.

Брат поклонился и легкой походкой направился прочь, оставив меня наедине с будущим супругом. Стоит заметить, что мои родные теперь проще смотрели на то, что диар мог оказаться ненадолго со мной наедине. Дагнар Альдис был безупречен во всем и придраться, казалось, просто не к чему. Пока, по крайней мере.

Мы вошли во дворец диара, поднялись к малой бальной зале, где должно было произойти оглашение помолвки. Дагнар Альдис устраивал короткий прием. Комнаты гостям подготовили, но завтра поутру они должны были покинуть поместье. Никаких иных увеселений диар для гостей не готовил, только вечерний бал. Большое празднество намечалось на день нашей свадьбы.

Насколько я успела узнать своего жениха, он не был любителем светской жизни и участвовал в ней по необходимости. Думаю, это легко объяснялось бурной молодостью нашего гостеприимного хозяина. Хоть он особо ничего не рассказывал о своей жизни до знакомства со мной и моими родными, но какие-то обрывки слухов нам приносила еще Лирия, что-то случайно сболтнула одна из моих горничных, а после долго умоляла не выдавать ее. Диар не терпел обсуждения своей жизни, особенно в собственном доме из уст прислуги. Разумеется, я не собиралась выдавать женщину, о чем и сказала ей, успокоив бедняжку. К тому же ничего особенного она мне не сказала. Только лишь, что в юные годы диар

слыл гулякой и повесой, но с годами остепенился. Об этом я и сама догадывалась. Было бы сложно ожидать рассудительности и оседлости от молодого человека, которому открыты многие блага жизни. Впрочем, эта сторона жизни Аристана Альдиса меня касалась менее всего. Со мной было связано его будущее, а не прошлое, и я не забивала себе голову тем, как жил мой жених до меня.

Диар пропустил меня первой в двери, вошел следом. Я осторожно ступала по натертому до блеска паркету, разглядывая рисунок на полу. Затем подняла взгляд, рассматривая свое отражение в одном из зеркал, украшавших стены. И, уже не отрывая взор, следила за тем, как из отражения в отражение шествует молодая девушка в нежно-голубом платье, чуть приподняв подол, чтобы не запутаться в нем. Эта девушка совсем не напоминала ту, что смотрела на меня еще каких-то полтора месяца назад из зеркала в отчем доме. Желтоватая бледность сменилась здоровым румянцем, в глазах усталая обреченность поменялась на любопытный блеск. Пожалуй, мне даже понравилась новая я. Не скажу, что засияла красотой, но столь плачевно, как раньше, я не выглядела.

Отставший было д'агнар Альдис догнал меня, пристроился рядом, и разом любопытство сменилось на смущение. Впервые я видела нас рядом со стороны. Статный мужчина вальяжно вышагивал с девицей, теперь бросавшей взгляды на зеркало исподволь, опасаясь выдать свой интерес. Диар

повернул голову и поймал мой взгляд в отражении. Его губы дрогнули в улыбке.

– Как любопытно, – произнеся это, он остановил меня и развернул лицом к зеркалу. – Кажется, мы недурно смотримся рядом.

Его ладонь легла мне на плечо, мужчина чуть склонил голову вправо, рассматривая пару в отражении.

– Флоретта, а вы похорошели, – вдруг сказал он и велел: – Поднимите голову.

Его палец поддел мой подбородок, вынуждая смотреть перед собой.

– Расправьте плечи, спину прямо. Теперь добавьте гордости во взгляд. Смотрите чуть свысока. Вот, – диар удовлетворенно кивнул. – Запомнили себя такой? Вот так и держитесь вечером. Повторите потом перед зеркалом. Когда я представлю вас и объявлю о намерении жениться на вас, я желаю, чтобы рядом вы стояли именно такой.

– Я постараюсь, – пообещала я.

– И никакой робости.

– Я помню, ваше сиятельство... Аристан.

Девушка в отражении кивнула и поспешила пройти дальше. Мужчина последовал за ней. Я заставила себя отвести взгляд от зеркал и посмотрела вперед. Огромные хрустальные люстры уже были намыты, новые свечи еще не горели, их зажгут перед тем, как откроются двери, и гости войдут в залу. Люстры поднимут под потолок, и они залыют простран-

ство ярким светом. Я так хорошо себе это представила...

Все-таки в подготовке праздника есть некое волшебство. Не знаю, каково это – прибыть гостем на бал, но готовить его мне показалось весьма интересно. Дагнар Альдис скользил внимательным взглядом по сторонам. Неожиданно он нахмурился и, остановившись, подозвал себе одного из слуг. Не говоря ни слова, его сиятельство указал пальцем куда-то вверх. Слуга охнул, склонился и побежал за лестницей. Я проследила направление взгляда своего жениха и увидела тонкую нить паутины на колонне из темного мрамора, незамеченную прислугой.

– Идемте дальше, драгоценная моя, – сказал диар.

– Почему вы называете меня драгоценной? – зачем-то спросила я.

– Моя жена – моя ценность, – не без иронии ответил мужчина. – Вы будете цепляться к каждому моему слову?

– Конечно же, нет, простите.

Больше мы не разговаривали. Следующим мы осмотрели буфет, где расставляли вина и бокалы, закуски должны были принести позже. Заглянули в игровую комнату, удостоверились что игральные столики оснащены всем необходимым. К моему стыду, я до сих пор не запомнила название всех игр и их правил, потому просто послушно следовала за диаром, проверявшим наличие карт, фишек, каких-то карточек. Удовлетворенный осмотром, его светлость подал мне руку, и мы вышли за двери.

– Осталось пройти по гостевому крылу, – сказал мой жених. – Окажите мне любезность, Флоретта, помогите в этом несложном деле, иначе я не успею заняться своими делами.

– Как пожелает, ва... как пожелаете, Аристан, – поправились я, заметив, как насмешливо изломилась бровь диара.

– Благодарю, дорогая, – он поцеловал мне руку и позвал одного из лакеев. – Проводите агнару Берлуэн к гостевым комнатам.

Лакей склонился передо мной и повел вперед. Я оглянулась, но диара уже не было видно. Вздохнув, я поспешила за своим провожатым. Гостевые покои располагались не так далеко от комнат хозяина поместья, это я отметила, когда мы добрались до них. И вдруг остро ощутила свою отчужденность – мои покои находились будто на краю мира. Хотел ли так мой жених защитить меня от случайных встреч с гостями, или же нарочно убрал с глаз подальше, мне понять было сложно. «Его сиятельство лучше знает, что делает», – напомнила я себе и постаралась рассматривать свое удаление от общества, как еще одну попытку проявить обо мне заботу. В спокойствии и уединении мне будет проще и привычней. Да, несомненно, будущий супруг просто оградил меня от излишнего шума, только и всего.

Осмотр гостевых комнат затянулся. Не знаю, чего именно ожидал д'агнар Альдис, но я решила подойти к делу со всей ответственностью. Поэтому теперь за мной ходил лакей с бумагой и чернилами. Я дотошно просматривала набор все-

го необходимого, что могло понадобиться гостям, проверяла чистоту комнат, невольно подражая хозяину дома. Правда, тыкать пальцем не стала, задавала вопросы. Недочетов почти не оказалось, и все они были устранены к моменту, когда я вышла из последней комнаты и направилась к кабинету своего жениха, чтобы дать отчет об осмотре. Стоит заметить, что люди диара были вежливы и терпеливы, ни разу не показав, что устали от моих расспросов. Отвечали споро, распоряжения исполняли также.

Довольная собой, я остановилась у кабинета его светлости и негромко постучала.

– Войдите, – коротко ответил хозяин кабинета.

Я открыла дверь и остановилась на пороге, заметив незнакомого мужчину. Агнар обернулся, поднялся с места и, вежливо улыбнувшись, склонил голову. Диар тоже встал из-за стола, подошел ко мне и взял за руку. Бровь его насмешливо изломилась, когда я не отозвалась на рукопожатие и так и осталась стоять на пороге кабинета. Я одарила его досадливым взглядом, выдохнула и все-таки сделала шаг.

Дагнар Альдис подвел меня к мужчине, с интересом наблюдавшему за мной.

– Дорогая моя, позвольте представить вам агнара Одмара Наэля. Агнар Наэль любезно согласился быть нашим распорядителем на балу. Друг мой, позвольте представить вам мою невесту. Агнара Флоретта Берлуэн.

– Агнара Берлуэн, – мужчина вновь поклонился мне. –

Чрезвычайно счастлив познакомиться с будущей д'агнарой Альдис. Примите мое восхищение.

– И я рада нашему знакомству, агнар Наэль, – как можно более светски попыталась ответить я, но мой новый знакомый вдруг подмигнул мне, чем привел в замешательство, и я не нашлась, как отреагировать на возмутительный по своей сути поступок.

– Одмар, Флоретта – скромнейшая из женщин, не стоит ее смущать фривольным поведением, – усмехнулся мой жених. Мужчина весело улыбнулся и вернулся на свое место. Только сейчас я заметила, что на столе стоят бокалы с вином, и беседа, которая велась в кабинете, имеет приятельскую направленность, а значит, агнар Наэль является давним знакомцем диара. – Вы что-то хотели, дорогая моя?

Вопрос д'агнара Альдиса вывел меня из замешательства. Я бросила осторожный взгляд на гостя диара и кивнула.

– Я исполнила ваше поручение, ваше сиятельство, – ответила я.

– Нареканий нет? – осведомился диар.

– У вас прекрасная прислуга, – улыбнулась я.

– Благодарю, драгоценная моя, ваша помощь была неоценимой, – он поднес к губам мою руку, поцеловал и выпустил из захвата.

Делать мне больше в кабинете д'агнара Альдиса было нечего, и я откланялась, спеша покинуть его. Однако мой жених догнал меня уже за дверями.

– Флоретта, мне хотелось бы, чтобы вы уделите немного вашего внимания агнару Наэлю. Он мой давний друг, останется здесь до самой свадьбы, и ему я могу доверить вас. Отдайте ему, к примеру, третий и шестой танцы. Так впечатлительно, будто я держу вас под строгим надзором, смягчится и не даст лишнего повода для сплетен.

– Хорошо, Аристан, – покорно согласилась я. – Третий и шестой танцы за аггаром Наэлем.

– Пожалуй, я подберу вам еще одного кавалера, – произнес диар. – Оставьте для него местечко в вашем списке.

– Мой список не так велик, чтобы для еще одного кавалера не нашлось в нем места, – усмехнулась я. – Вы, папенька, Арти, да аггар Наэль. Пусть будет восьмой танец.

– Пусть восьмой, – согласно кивнул диар. – О своих намерениях я объявлю в начале вечера. Тянуть ни к чему. Не смею вас больше задерживать, отдохните. – И вернулся к своему знакомому.

Я, проводив диара взглядом, повторила вслух:

– Список, – хмыкнула и направилась в сторону своих комнат.

Однако уже через несколько шагов остановилась, представила, как д'аггар Альдис поведет меня под руку через весь зал, подумала, сколько глаз будут меня оценивать в это время и протяжно вздохнула. Угасшие, было, тревоги вернулись с новой силой, и в свои покои я почти бежала, намереваясь подпереть изнутри дверь тяжелым креслом и сказать уми-

рающей. Да, именно так.

Конечно, я не подперла дверь креслом, как не спешила умирать. Да даже если бы я захотела это сделать, мне бы не позволили два непоседливых создания, ворвавшихся громкоголосым вихрем в мои комнаты. Мели и Тирли под предводительством моего неугомонного брата не дали мне, кажется, ни минуты покоя, отвлекая от тяжких мыслей. И к тому моменту, когда явились горничные, чтобы одеть меня к балу, я хохотала, завалившись на кресло, глядя на уморительные гримасы сестриц, изображавших чванливых гостей, за которыми бегали по очереди подглядывать.

Хвала Богине, до оговоренного часа мне не нужно было находиться рядом с его сиятельством, и своих гостей он встречал в одиночестве. После прислуга провожала прибывших агнар по их комнатам, где те могли отдохнуть и подготовиться к балу. За мной должен был явиться сам диар и сопроводить в залу. Брат и папенька последуют за нами, это тоже было оговорено. Пока же я, как и все, кто собрался в поместье диара Данбьергского, – начала облачение в свое бальное платье.

Ох, Мать Покровительница, что это был за наряд! Инар Рабан постарался на славу. Платье имело знакомый оттенок, идеально подходивший к моим глазам и делавший их ярче и выразительней. Оно было расшито серебром, не имело особой вычурности, но кажущаяся простота наряда была обманчивой. Он был великолепен! Мне понадобилось несколько

минут, чтобы перестать взирать на него с благоговейным трепетом.

Этот наряд мне доставили за два дня до бала. Стоит ли говорить, что привез платье лично инар Рабан? Почтенный мастер с плотоядным видом следил за мной, пока я ходила вокруг очередного шедевра портновского искусства. После, когда я шумно вздохнула, отмер и спросил:

– И что вы скажете, агнара Берлуэн?

– Словно цветущий сад, – ответила я, отчего-то представляя себе именно сад во время его цветения. Почему именно эта ассоциация пришла мне в голову, ответить сложно. Однако внутреннее ощущение при взгляде на чудесное платье привело меня к цветущим яблоням с нежностью белоснежных лепестков на фоне свежих зеленых листьев.

– Душа моя! – воскликнул портной. – Как же тонко вы это почувствовали. Пока я шил платье, я думал о вас, сравнивая вашу трепетную молодость с цветущим садом. Как, однако, вы чутко уловили то, что я хотел показать. Я ваш преданный слуга навеки!

Мужчина вдруг опустился на колени, а я пришла в крайнюю степень замешательства, не зная, как отреагировать на порыв мастера. Однако поспешила к нему, чтобы поднять с колен. Инар Рабан обнял мои ноги, отчетливо всхлипнул и высокопарно воскликнул:

– Богиня!

Спас меня от чрезмерного восторга портного, конечно же,

мой жених. Вежливо, но не допуская возражений, диар оторвал инара Рабана от моих ног и выпроводил за дверь, говоря ему:

– Инар Рабан, вы решили испытать мое терпение? Вы только что держали за ноги мою невесту. Даже я не позволяю себе подобного.

– Это все от глубины моих чувств, – ответил портной, перестав впадать в священный экстаз. – Чистый восторг, ваше сиятельство, чистейший.

Уже после того, как инар Рабан покинул поместье, диар вернулся ко мне. Глаза его весело поблескивали. Я ожидала недовольства тем, что я допустила прикосновения к себе другого мужчины, однако д’агнар Альдис покачал головой и усмехнулся:

– Все творческие люди не от мира сего. Но это сделало нашего мастера мастером и самым востребованным портным моего диарата. Вы сумели тронуть его, Флоретта. Рабан сам не шьет уже какое-то время, лишь следит за работой подмастерьев и дает указания. Для вас портной снова взял в руки иглу.

– Я польщена, – рассеяно ответила я. Мой жених снова усмехнулся и оставил меня наедине с моим платьем.

И вот теперь это чудо было надето на меня, и я с затаенным восторгом рассматривала свое отражение. Лучший парикмахер уже закончил создавать у меня на голове еще одно чудо. Впрочем, и здесь приложил руку мой жених, велел:

– Пусть будет живенько, никаких сложных башен. Агнара Берлуэн должна выглядеть естественно.

И я выглядела. Водопад подкрученных локонов падал на плечи – «живенько», как и приказал его сиятельство. Волосы лишь присобрали на макушке, скрепив красивой заколкой с изумрудами и мелкой россыпью бриллиантов. Сережки и колье, надетые на мне, были из того же гарнитура. Его вчера подарил мне, конечно же, мой жених, дав возможность в очередной раз оценить его вкус. И теперь, взирая на себя в зеркало, я не могла не признать, насколько гармонично смотрятся наряд и украшения... и я с ними вместе.

– Вы прелестны, агнара Берлуэн, – сложил на груди руки парикмахер.

– Благодарю, – улыбнулась я, даже не смутившись.

– Ох, Фло, ты просто королева, – полушепотом произнесла Мели.

– Ага, – кивнула Тирли.

Я рассмеялась, раскинула руки и закружилась на месте, ощущая невероятный восторг. Девочки запрыгали, хлопая в ладоши, парикмахер негромко усмехнулся, и даже строгие горничные улыбнулись. Когда появился диар, я готова была взлететь от легкого искрящегося счастья.

– Как же женщине нужно мало, чтобы засиять от радости, – усмехнулся Аристан. – Впрочем, это прелести неискушенной женщины. Очередное преимущество перед светскими хищницами. Вы невероятно хороши, драгоценная моя.

– Вы тоже, ваше сиятельство, – игриво ответила я, не скрывая улыбки.

Он и правда был хорош в строгом черном фраке, в белоснежной рубашке, с шелковым платком-галстуком, в цвет серых глаз, на котором красовалась булавка со скромной жемчужиной. Ни единой кричащей детали во всем туалете. Подтянут, элегантен, хорош собой без всякой сладости. В это мгновение я позавидовала сама себе, а после ужаснулась, представив, сколько женщин нашего диарата облизывалось на моего жениха, и что теперь они должны чувствовать, когда узнали о намерениях его сиятельства. Следом вошли папенька и Артиан. В глазах отца застыла гордость, и я ужаснулась второй раз, подумав о тех отцах и братьях, кто пытался выгодно пристроить своих дочерей и сестер. Желание покинуть свою комнату разом превратилось в прах.

– Ну что такое, Флоретта? – насмешливо спросил диар. – Вы вновь дрожите, как перепуганный заяц.

– Они же все ненавидят нас, – со священным ужасом прошептала я.

– Вы думаете, я всеобщий любимец? – любопытно спросил Аристан Альдис. – Поверьте, недругов у меня хватает. Но я же не трясусь, и вы прекратите. Плечи, спина, взгляд, – скомандовал он, и я послушно задрала подбородок. – Только так и не иначе.

Диар усмехнулся и поддел кончик моего носа согнутым пальцем. После указал на дверь. Артиан послал мне теплую

ободряющую улыбку, папенька распахнул дверь, и меня вывели из-под укрытия надежных стен моих покоев. Вознеся молитву Матери Покровительнице и пообещав ей чистую душу за немедленную смерть, я поняла, что мои мольбы не услышаны, и деваться некуда. А раз деваться некуда, то и трястись уже поздно. В конце концов, я будущая диара и должна помнить о достоинстве своего супруга, с которым судьба соединит меня всего через месяц.

– Вы умница, – услышала я и взглянула на диара.

На лице его было спокойствие, даже равнодушие. Мужчина совсем не смотрел на меня, и как сумел заметить мою решительную гримасу, хоть убейте, понять не могу. И все же легкая улыбка на мгновение коснулась его губ, тут же растворившись в отрешенности благородного лица. Мы приблизились к бальной зале. Сердце отстукивало удар за ударом, словно отсчитывало последние шаги до черты, после которой не будет возврата. Шаг, еще один шаг, еще... Распахнутые двери, склонившиеся перед нами лакеи, ослепительный свет люстр, множество незнакомых лиц и удивительно нежная мелодия, льющаяся с балкона, где сидят музыканты...

– Благородные агнары, прекрасные дамы, – голос моего жениха слышится откуда-то издалека. – Позвольте представить вам агнару Флоретту Берлуэн... – Он говорит что-то еще, но я улавливаю лишь отдельные слова: – Очаровательная агнара... составить счастье... невеста...

Следом звучат вежливые похлопывания и пожелания сча-

стья. Губы диара обжигают руку даже через перчатку. Его ладонь ложится мне на талию, мои пальцы оказываются в плену его второй ладони, и мы движемся по кругу. Наверное, очнись я раньше, непременно бы споткнулась и все испортила. Но в том тумане, что вдруг охватил сознание, я машинально повторяла заученные па, следуя за своим женихом, который уверенно вел меня в вальсе. И лишь когда музыка смолкла, и Аристан снова склонился к моей руке, я тихо охнула и покачнулась.

– Все уже свершилось, драгоценная моя, – негромко сказал диар. – Теперь поздно падать в обморок. Спина, плечи, взгляд. Помните? Я рядом с вами.

– Да, ваше сиятельство, – пролепетала я и позволила увести меня из круга, заполнявшегося танцующими парами. Значит, первый танец принадлежал только нам... Богиня! Как хорошо, что я этого не видела!

Дагнар подвел меня к стулу, помог сесть и остановился рядом. Я раскрыла веер и почти спряталась за ним, но быстро опустила ниже, обмахнулась несколько раз и вновь сложила. К нам подходили люди, мой жених представлял их, я заученно-вежливо улыбалась, принимая поздравления. По сторонам старалась не смотреть, опасаясь увидеть недобрый взгляд. Однако на лицах тех, кто подходил к диару и его невесте неприятия я не заметила. Скорей, подобострастие и преувеличенная радость. Но были и те, кто держался с достоинством, разговаривал вежливо, не лебезил и не льстил.

С ними мой жених был более словоохотлив, правда, больше двух-трех фраз все равно не произносил. Постепенно я успокоилась и даже немного расслабилась, перестав изображать изваяние с приклеенной к устам полуулыбкой.

Агнар Наэль появился, как и было решено, на третий танец. Он склонился передо мной, галантный и блистательный.

– Вы позволите, ваше сиятельство, украсть у вас ваше сокровище? – сверкая озорным взором, произнес мужчина.

– С условием непременно вернуть, – надменно ответил диар.

– А если...

– Дуэль, – кратко ответил Аристан, оставаясь все таким же невозмутимым.

Я понимала, что это игра, однако, заметив несколько взглядов, брошенных на хозяина поместья, я поняла, что игра имела еще и показательный умысел. Дагнар Альдис провел четкую границу допустимого.

– Не осмелюсь, – совершенно серьезно ответил агнар Наэль.

– Не сомневаюсь, – не менее серьезно сказал мой жених.

Наш распорядитель вывел меня в круг, сделал жест музыкантам и повел меня в танце. Агнар Наэль оказался умелым танцором и хорошим партнером. Уловив мою неуверенность, он тихо отсчитывал, подсказывая следующее па, и вскоре я уже перестала волноваться и легко втянулась в танец, начав получать от него удовольствие. Мой кавалер, убе-

дившись, что я твердо стою на ногах, перестал руководить моими движениями и начал шутить, поглядывая по сторонам. И когда последние аккорды растворились в воздухе, я вдруг расстроилась.

Агнар Наэль вернул меня моему жениху и тут же растворился среди гостей, спеша исполнять свои обязанности. И вновь в паре со мной стоял диар. Правда, теперь происходила смена партнеров, и вскоре я оказалась напротив какого-то полного агнара. Он сопел и обливался потом, но улыбнулся мне и даже состроил глазки, пропыхтев комплимент. Я поблагодарила и перешла к следующему кавалеру. Это был молодой человек, достаточно приятной наружности. Он не говорил ничего, только осмотрел высокомерным взглядом. Я ответила отрешенным и поздравила себя с маленькой победой.

Следующим напротив меня оказался мой братец. Он сверкнул улыбкой, подмигнул и состроил уморительную мину, заставив меня рассмеяться. И к следующему кавалеру я попала с широкой улыбкой на устах. Он приподнял брови, отвечая мне слегка насмешливым взглядом, но склонил голову и сказал, что я очаровательна. И когда я вновь оказалась в руках своего жениха, он с интересом посмотрел на меня и негромко заметил:

– А вы еще живы, драгоценная моя. Не лежите в обмороке, не трясетесь в судорогах, и даже ваш румянец не похож на румянец смущения.

– Вы ожидали, что так легко избавитесь от меня, Аристан? – совсем забывшись, рассмеялась я.

– Напротив, я буду оберегать вас, как свое самое ценное сокровище, – без тени улыбки ответил диар, и я, наконец, смутилась.

Он хмыкнул и отвел к моему месту, где меня забрал папенька. Сам гостеприимный хозяин отправился оказывать внимание гостям. Мой следующий танец принадлежал опять агнару Наэлю, и времени у диара было достаточно. Я успела увидеть, как он целует руку какой-то даме и идет дальше, одарив ее прохладной улыбкой, похоже, не ответив на ее вопрос, потому что дама досадливо захлопнула веер и исчезла за спинами других гостей.

После я мельком увидела, как мой жених разговаривает с двумя мужчинами, но в следующее мгновение его не было и с ними. Похоже, диар просто обходил гостей, уделяя им минуту-другую времени. А потом вихрь музыки, нарядов, духов захватил меня, и я совсем потеряла его из виду, полностью отдавшись танцам. Оказывается, это премилое занятие! Веселое и увлекательное. И еще я поняла, что опасалась зря. Еще никто не повел себя подобно той злобной агнаре, из-за которой я оказалась в луже.

Папенька смотрел на меня добрым взглядом, полным любования и умиления, и этот взгляд наполнял душу трепетным счастьем.

– Как же я рад за тебя, Фло, – шепнул мне родитель, воз-

вращая на прежнее место.

Теперь я с интересом смотрела по сторонам, разглядывая собравшуюся публику. Любовалась дамами, чьи наряды пестрели разнообразием цветов, богатством отделки и множеством фасонов. В свете свеч их украшения переливались и играли бликами. Это было похоже на сказку или сон, и так не хотелось, чтобы он заканчивался. Я даже представить не могла, что увлекусь происходящим. Столько времени боялась, воображая себе всякие ужасы, а оказалось все так мило и даже весело.

Время от времени рядом крутился мой вертлявый братец, веселя меня. Порой заговаривали гости, и я от души смеялась их шуткам. Мимо сновали лакеи с подносами. Гости оживленно разговаривали, иногда поглядывали в мою сторону, но я уже не обращала на это внимание, потому что мои мысли были затуманены кружением пар и очарованием вечера. Вскоре вернулся диар и подал мне фужер. Там оказалась вода. Сам он пил вино, и на мой удивленный взгляд, привычно изломил бровь.

– Вас ведь мучает жажда? – спросил мой жених.

– Да, благодарю, – ответила я и больше не спорила. В конце концов, хмель может пойти мне не на пользу.

На восьмой танец я осталась без пары. По видимому, д’агнар Альдис не нашел того, кому сможет доверить меня. Но, признаться, я была даже рада. Хотелось пройтись. В зале становилось душно, и лакеи начинали открывать окна, чтобы

впустить свежий воздух. Аристан вновь покинул меня, оставив на попечение брата, решившего отдохнуть. Я опасалась, что дамы начнут воротить от него нос, однако Артиан уже значился в бальных книжечках нескольких агнар и был весьма этим доволен. Братец, со свойственной юности горячностью, отдавался этому вечеру без оглядки, наслаждаясь еще недавно недоступным нам увеселением.

Пока папенька отвлекся на разговор с немолодым женщиной, младший агнар Берлуэн подал мне руку, и мы решили пройтись в сторону буфета. В игровой комнате нам делать было нечего. Брат играл в пару игр, но был игроком слабым, я же вовсе ничего в них не понимала. В буфете мы не задержались, мне ужасно хотелось на воздух, и Арти повел меня к открытому балкону.

– Прихватить что-нибудь прохладительного? – вдруг опомнился братец, когда мы уже покинули буфет.

– Было бы неплохо, – улыбнулась я.

Он вернулся назад, а я неспешно побрела к балкону. Еще не дойдя до него, я услышала голоса и смех. Досадливо поморщившись, я уже хотела развернуться и уйти, когда услышала:

– А ее прическа, какая безвкусица, – говорил женский голос. – Сразу видно, что глупая деревенщина. Волосы даже толком не собраны. Ужасно.

– Совершенно безыскусная девица, – поддакнул голос, принадлежавший мужчине. – Мне довелось с ней станцевать.

Она двигается, как... как, простите, корова. Никакой грации.

– Будьте милосердны, – ответил мелодичный голос другой женщины. – Агнара Берлуэн жила в лесу. Должно быть, она там танцевала только с пнями, отсюда и ее деревянные движения.

Ответом ей стал дружный взрыв смеха. Мне стоило развернуться и уйти, но я стояла и слушала, кусая губы. Слезы навернулись на глаза, стало до невозможности обидно. И сколько я не уговаривала себя, что язвительные разговоры за спиной вполне ожидаемы, но услышать их было крайне неприятно. Неужто я так плоха? За что они сейчас так зло обсуждают меня?

– Согласен, девица двигается ужасно, – заговорил новый мужской голос. – Во время их первого танца с сиятельным диаром я обратил на это внимание.

– Они совершенно не смотрятся рядом, – снова заговорила дама с мелодичным голосом. – Он слишком хорош для этой... для этой жабы в зеленом. Она даже платье подобрала соответствующей расцветки. Что его светлость мог найти в это страшенькой агнаре? И ладно бы богатое приданое, так ведь нищета. Ни лица, ни изящества в фигуре. И улыбка такая глупая. Просто невероятно! Зачем ему понадобилось портить себе жизнь женитьбой на этой Берлуэн, когда вокруг так много хорошеньких девушек и женщин? Он ведь будет видеть ее каждый день, ложиться в одну постель, бр-р... Да-

же представить противно.

– Держи, – голос брата за спиной раздался так неожиданно, что я едва не вскрикнула.

Он сунул в руки мне стаканчики с холодными сливками и направился, было, к балкону, но я отчаянно замотала головой и взмолилась:

– Арти, молю тебя, не стоит. Арти!

– Сестрица, тебе не показалось, что в поместье графа завелись змеи? – неожиданно громко произнес брат. – Целый клубок гадюк. Какое непростительное упущение прислуги.

На балконе замолчали. Вскоре оттуда вышли двое кавалеров и три дамы. Одарив нас насмешливыми высокомерными взглядами, они удалились в сторону бальной залы. Арти проводил их пристальным взглядом суженных глаз. А мне вдруг пришло в голову, что среди женщин я не увидела ни одной красавицы. Одна и вовсе была одета в платье кричащего красного цвета, и на голове ее было странное сооружение, изобилующее цветами. Я завертелась на месте, пытаюсь отыскать зеркало. Неужели я так уродлива, то даже такие некрасивые женщины считают себя лучше меня?

– Ты все еще хочешь на балкон? – непривычным отстраненным голосом спросил брат.

– Совершенно не хочу, – ответила я и вымучено улыбнулась. – Опасаюсь отравиться чужим ядом.

– Тогда вернемся назад, – младший агнар Берлуэн забрал у меня стаканчики с тающими сливками и первым направил-

ся в обратную сторону, но остановился и обернулся ко мне, сердито сказав: – Та, у которой цветник на голове, прыгает, как коза, я был с ней в паре. А ты не смей напоминать, что сказали эти гадюки. Сплошная ложь. Слышишь меня?

– Но я ведь, действительно, танцую плохо...

– Получше некоторых, – ворчливо ответил братец и снова направился вперед.

Я плелась следом, уговаривая себя, что Арти прав, и все, что я слышала, лишь плод человеческой зависти. Однако настроение никак не желало возвращаться. И когда я входила в бальный зал, я изо всех сил старалась держаться, как велел мне жених, старалась не терять лицо. «Тот, кто пытается запачкать вас грязью, сам по уши увяз в ней», – так он говорил. Пусть шипят, им все равно придется склониться перед диарой... Ох, Мать Покровительница, дай мне сил.

Брат отвел меня на мое место, передал папеньке и куда-то исчез. Вскоре вернулся диар. Он присел рядом, посмотрел на меня и нахмурился:

– Вы отсутствовали, Флоретта, – заметил он.

– Я хотела подышать воздухом, здесь слишком душно, – должно быть, моя улыбка выглядела слишком бледной, потому что испытующий взгляд Аристана не покидал моего лица.

– Что произошло за это время? – спросил он.

– Просто устала, – попыталась отговориться я.

– Кто и чем посмел вас обидеть? – диар не желал оставлять меня в покое. – Флоретта, я жду ответа. Вы обещали мне

быть искренней.

– Ничего особенного не произошло, – вздохнув, ответила я. – Случайно услышала...

Я подняла голову, и мой взгляд упал на двух из трех дам, которых я увидела выходящими с балкона. Они склонили друг к другу головы, прикрылись веерами, но было ясно, что они продолжают перемывать мне кости, потому что взгляды обеих были направлены на нас с диаром. Меня вдруг охватила злость, и до безумия захотелось указать на них пальцами и сказать: «А вот те агнары сказали, что у вас нет вкуса, и моя прическа ужасна. И инар Рабан, по их мнению, не мастер своего дела, потому что сшил мне лягушачье платье». Но я устыдилась подобного порыва и отвела глаза в сторону.

– Те две кумушки оскорбили вас, – и без моих пояснений понял диар. – Известнейшие в свете сплетницы. Отвратительные особы, но они мне сегодня нужны.

– Зачем? – изумилась я.

– Им будет полезно кое-что увидеть, – как-то очень недобро усмехнулся Аристан. – И не только им. Я хочу знать, что вы услышали...

Договорить он не успел, как и я ответить. Появился агнар Наэль, склонился к уху моего жениха, и я услышала обрывки фраз, произнесенных слишком тихо, чтобы понять, о чем речь. Впрочем, мне хватило услышать «брат Флоретты», чтобы понять, что речь идет об Артиане.

– Прошу прощения, – диар поднялся на ноги. – Разговор

продолжим, когда вернусь.

Аристан направился следом за агнаром Наэлем, а я не смогла усидеть на месте. Вскочила и поспешила следом, оставшись незамеченной ни женихом, ни распорядителем. Они прошли до дверей, покинули залу, и я следом за ними. Однако далеко идти не пришлось. Я сразу узнала тех двоих мужчин, что были на балконе. Арти стоял напротив них, глаза его гневно сверкали, и я услышала слово, которое привело меня в ужас – поединок.

– Остановитесь, агнар Берлуэн, – от ледяных повелительных ноток в голосе диара, я невольно поежилась. В это мгновение он был мне совсем незнаком. – Как осмелились вы затевать ссору в моем доме?

– Эти... агнары оскорбили честь моей семьи! – горячечно воскликнул Артиан.

– И значит, принесут вам прилюдные извинения, – отчеканил д'агнар Альдис. – Оружия никто не обнажит ни сейчас, ни после. И каждый, кто осмелится ослушаться, будет наказан со всей строгостью законов диарата Данбьерг. От наказания не спасет ни знатность рода, – взгляд серых глаз остановился на одном из сплетников, – ни будущее родство. Вам все ясно, агнары?

– Да, ваше сиятельство, – склонились агнары. Мой брат отрывисто кивнул.

– Извинения агнару Берлуэну должны быть принесены сегодня. Я укажу время, и не вздумайте улизнуть. – Теперь

диар смотрел только на сплетников. – Вы нанесли оскорбление семье моей невесты, а значит, и мне лично. Если кто-то еще не понял, любой навет на агнару Берлуэн я буду считать наветом на себя лично. Имя моей будущей жены – Альдис, а свое имя я не позволю пачкать грязью. Напоминаю так же, как хозяин диарата, я могу менять законы. Запрет на дуэли может временно перестать действовать. Есть тот глупец, кто желает встать против меня?

– Если таковой найдется, я, с вашего позволения, д’агнар Альдис, лично задушу его. Из милосердия, – не скрывая ехидства, произнес агнар Наэль. – К чему продлевать мучение мыши, когда кот уже запустит в нее когти?

Я увидела, как криво усмехнулся Арти, но тут же скрыл ухмылку. Зато сплетники покраснели. Над ними потешались, и ответить при диаре они не посмели. Я вздохнула с облегчением, и мое присутствие, наконец, заметили. Аристан обернулся, с изумлением рассмотрев меня, однако сразу поджал губы, выражая свое недовольство. Агнар Наэль весело мне подмигнул, взял моего брата под руку и увел обратно в бальную залу. Следом направились агнары-сплетники.

– И что здесь делает моя послушная невеста? – сухо спросил Аристан.

– Я услышала имя брата, – попыталась оправдаться я, но перед носом появилась раскрытая ладонь, призывающая замолчать.

– Впредь я желаю видеть, что вы слушаетесь меня, – ска-

зал этот чужой и незнакомый Аристан Альдис. – Не вынуждайте меня приказывать вам, Флоретта.

– Да, – кивнула я. – Разумеется, ваше сиятельство. Это всего лишь волнение за брата.

– Понимаю, – кивнул диар, накрыв ладонью мое плечо. – Простите, я вышел из себя. Идемте назад.

Я послушно взяла своего жениха под руку, и мы направились в залу.

– Флоретта, я не тиран, – неожиданно произнес Аристан. – Поверьте, мне не доставит удовольствие ссора с вами. Вы дважды послушались меня. Я просил вас передвигаться сегодня вечером в моем сопровождении, вы ушли с братом. Сейчас я просил вас подождать моего возвращения, вы отправились следом. Я весь прием построил так, чтобы вы чувствовали себя спокойно, находясь под защитой, однако вы послушались, и результат оказался весьма неприятен. Вы наслушались о себе гадостей, как я понимаю. Ваш брат затеял ссору в моем доме. К тому же выбрал не ту цель. Агнар Орайтис – опасный соперник. И как бы не смеялся над ним Одмар, но я бы не взялся с точностью сказать исход поединка, если бы Орайтис встал против меня.

– Простите, – я виновато склонила голову. – Бал затуманил мне разум, и я потеряла осторожность.

Диар остановился, так и не войдя в двери, развернул меня к себе лицом и провел по щеке тыльной стороной ладони, стирая одинокую слезинку.

– Я расстроил вас, Флоретта. Наверное, для вас я слишком жесткий. Однако я таков, каков есть, и вряд ли смогу измениться. У нас прекрасно получалось понимать друг друга, пусть так и остается впредь.

Я заморожено смотрела в глаза своего жениха. Взгляд его сейчас смягчился и стал задумчив. Кажется, он даже не видел меня перед собой. Большой палец диара скользнул по моей нижней губе, очертив ее, после переместился на подбородок, мужские пальцы несильно сжались, и моя голова оказалась приподнята кверху. Кажется, я перестала дышать, ожидая чего-то... необычного.

– У нас с вами все получится, Флоретта, – закончил Аристан Альдис, возвращаясь ко мне из своих заоблачных высей.

– Безусловно, Аристан, – судорожно вздохнув, ответила я почти шепотом, ощущая странное разочарование от того, что он отпустил меня и снова стал слегка отстраненным.

Его сиятельство проводил меня до места, усадил и снова удалился, оставив под присмотром папеньки и брата, уже стоявшего рядом с родителем. Старший агнар Берлуэн пытал младшего о причине недоброй мины на его лице. Заметив нас с диаром, он ненадолго оставил Арти в покое и переключил свое внимание на меня. Аристан кивнул папеньке и снова удалился, бросив на меня короткий взгляд.

– Что произошло? – спросил меня родитель, как только мы остались одни.

– Ничего такого, что стоило бы вашего внимания, папенька, – ответила я.

– Тогда отчего лица моих детей таковы, словно они побывали в переделке? – агнар Динор Берлуэн не желал оставлять попыток дознаться о досадном происшествии, которое привело нас с братом в дурное расположение духа.

– Отец, – не без раздражения отозвался Арти, – все хорошо. Бал великолепен...

– Ах, агнар Берлуэн, сразу видно, что вы никогда не бывали на балах, – посторонний женский голос заставил нас всех троих вскинуть головы.

Увидев хозяйку этого голоса, я почувствовала, как кровь отлила от моего лица, а в следующее мгновение бросилась обратно. От гнева и обиды запылали даже уши. Зачем диар пригласил эту злую женщину, едва не убившую меня? Неужели правила приличия оказались сильнее покушения на его невесту? Ведь не далее, как четверть часа назад, он говорил, что все оскорбления, адресованные мне, он принимает на свой счет. Так зачем же здесь агнара Керстан?!

Сия дама смотрела исключительно на меня. Ее самоуверенности и высокомерию позавидовала бы и королева. Столько было во всей ее позе и взгляде превосходства, что мне захотелось забиться в какую-нибудь щель и не показывать оттуда носа, чтобы вновь не оказаться в опасности. За ее плечом я заметила уже знакомый цветник на голове, и вторая дама также была с агнарой Керстан. Их губы кривились

в насмешливых ухмылках.

– Что вам угодно? – ледяным тоном спросил мой отец. – Желаете извиниться за то, что чуть не убили мою дочь?

Агнара Керстан перевела на папеньку взгляд и в фальшивом недоумении приподняла брови:

– Разве мне есть за что извиняться? Лошади понесли, мой кучер уже наказан за нерадивость. Моей вины в произошедшем нет. А то, что ваша дочь оказалась в луже, так на то было ее собственное желание. Такое поведение прощительно девице, прожившей в лесу всю свою юность. К тому же ее молодость уходит, возможно, слепота и неуклюжесть – это первые предвестники старости, откуда же мне знать.

– Слушайте вы! – мой брат побагровел. Глаза его лихорадочно сверкали, и Артиан процедил сквозь зубы: – Или мне стоит кричать в полный голос, бабушка?

– Какая неучтивость! – воскликнула женщина с цветником, и я признала в ней обладательницу красивого мелодичного голоса.

– Оставьте, Адетта, – усмехнулась агнара Керстан, – разве же можно обижаться на тех, кого этикету обучали лягушки на болоте?

Гадюки с готовностью захихикали, кажется, кто-то из гостей, стоявших неподалеку, тоже рассмеялся. Мой папенька с достоинством распрямил плечи и приготовился уже ответить, как его прервал неожиданно жизнерадостный голос хозяина поместья.

– Агнара Керстан! – Аристан вышел вперед. – Так вот, где вы притаились. А я вас искал. Как поживаете, дорогая моя?

Женщина присела в реверансе, на губах ее появилась совсем иная улыбка. Она открыла, было, рот, чтобы ответить, но диар, перебил, не позволяя произнести ни звука:

– Пойдите-пойдите, а что это с вами? – Его сиятельство замер в задумчивости, погладив подбородок. Его пристальный взгляд неучтиво прошелся по лицу и фигуре агнары Керстан. Мой жених удрученно покачал головой и участливо продолжил: – Что же вы не сказали ни слова о том, что находитесь в бедственном положении? Если ваш муж обратится ко мне, я непременно ссужу ему денег. Кажется, в этом платье вы уже появлялись в свете, не так ли? Но послушайте, голубушка, это же дурной тон, кто учил вас манерам? До недавнего времени вы представлялись мне особой благородного воспитания, и вдруг такой промах...

– Ва...

– Определенно, – вновь перебил побледневшую женщину диар. – Да и этот ужасный гарнитур. Дорогая агнара Керстан, обратитесь к моему камердинеру, он даст вам адрес отличного ювелира. – Его сиятельство вдруг потер подбородок. – Пойдите, я узнаю его. Разве такую грубую вещицу, как это колье, можно забыть? – Теперь на его лице мелькнуло изумление, смешенное с отвращением. – Так это вы напали на меня месяца два назад на приеме в доме агнара Далеини? Ну конечно, вы, ни у кого больше нет столь ужасной вещицы. А я-

то все гадал, кто та возмутительно женщина, одурманенная чрезмерными возлияниями, что висла в темном коридоре на моей шее и говорила непристойности. Пстойте! – Аристан Альдис чуть склонился, скривился и обмахнулся ладонью. – Да вы же снова нетрезвы! Как иначе объяснить столь возмутительное поведение в моем доме. Благородные агнары, а вам не кажется, что агнара Керстан пьяна?

Взгляд диара скользнул по лицам притихших гостей.

– Да, похоже, что вино сыграло с этой дамой злую шутку, – невозмутимо ответил мой папенька. – Ту ересь, что несла агнара до вашего появления, вряд ли возможно ожидать от трезвомыслящего человека.

– Значит, мне не показалось, – удовлетворенно кивнул Аристан.

В это мгновение подошел лакей с подносом, на котором лежали пирожные. Он появился из-за спины агнары Керстан, хватавшей ртом воздух. Диар обернулся ко мне:

– Драгоценная моя, вы, кажется, хотели пирожных? Я не знал, каких точно, потому приказал принести разных.

Я удивленно взглянула на своего жениха. Никаких пирожных я не просила, это помнила точно.

– Благодарю, ваше сиятельство, – ответила я, и лакей направился ко мне...

Но вдруг запнулся, попытался перехватить поднос, однако не преуспел в этом. Из-за неловкого движения поднос взлетел в воздух, и пирожные попали на агнару Керстан, оставив

на ней следы крема. Она вскрикнула, поднос упал, оглушительно загрохотав в воцарившейся тишине. Лакей трагически заломил руки, глядя на крем, ползущий по груди благородной дамы. Жирные белые кляксы расплзались по атласной ткани.

– Какая досадная случайность, – сокрушенно вздохнул диар. – И ведь никого не обвинишь, всего лишь нерадивость слуги. Впрочем, возможно, вы не устояли на ногах и сами подтолкнули под руку моего лакея? – мужчина задумчиво потер подбородок. – Как жаль, что вы замарались, агнара Керстан. Боюсь, столь нечистая особа не может более задерживаться в моем доме. Покиньте мое поместье немедленно.

Мой жених брезгливо передернул плечами и перевел взгляд на гадюк-сплетниц.

– Думаю, вам стоит помочь агнаре Керстан. Проводите ее до дома, – последняя фраза прозвучала приказанием. А после усмешка искривила губы диара: – И лучше оставайтесь за крепкими стенами ваших домов. На улицах нынче небезопасно, того и гляди очередной неуправляемый экипаж переедет вас, если не успеете отпрыгнуть. И кто знает, не окажется ли на вашем пути грязная лужа.

Побледневшие дамы поспешили покинуть бальную залу. Всхлипывающую агнару Керстан вывел из зала ее супруг, бросивший на диара хмурый взгляд.

– К вашим услугам, – холодно произнес Аристан.

Мужчина ничего не ответил. Перед ним и его женой гости

расступались, спешно уходя с дороги и отворачиваясь, словно от прокаженных. Однако на этом представление, разыгранное диаром, не закончилось. Улыбнувшись одними уголками рта, его сиятельство отпустил нерасторопного лакея. Слуга склонил голову, собрал на поднос то, что осталось от пирожных, и исчез. Вскоре его сменили горничные, замывшие скользкое пятно. А мой жених, оглядевшись, громко произнес:

– Агнары Орайтис и Ниельс, будьте любезны, подойдите ко мне. Кажется, у вас осталось одно незаконченное дело перед поездкой домой.

Мужчины вышли вперед. Стоит признать, что держались они с достоинством, глаз не отводили, но и ослушаться не посмели.

– Мы приносим свои извинения семейству Берлуэн за недозволительные речи.

– Вы принимаете извинения, агнары Берлуэн? – осведомился сиятельный диар.

– Принимаем, – ответил папенька. Арти поджал губы и кивнул.

– Теперь вы можете откланяться, – холодно сказал агнарам-сплетникам хозяин поместья. – Мы вас больше не задерживаем. – Затем обернулся к благородному собранию. – Среди моих гостей остались те, кто желал бы поссориться со мной и отправиться домой прямо сейчас?

Таковых не нашлось. Дагнар Альдис удовлетворенно кив-

нул и протянул мне руку:

– Вы задолжали мне множество танцев, драгоценная моя, – сказал он, и музыканты заиграли, повинувшись жесту нашего распорядителя...

Глава 7

Первый день осени наступил так неожиданно, что я, осознав, что пора идти под венец, невероятно изумилась. На удивление, я не испытывала ни трепета, ни страха, словно это день не менял в корне всю мою жизнь. Впрочем, не так уж это было далеко от истины. С того дня, как я приехала в поместье его сиятельства, домой я уже не вернулась. Мои надежды на то, что после бала я окажусь в родных стенах, не сбылись. Такого было решение диара. Он посчитал, что для меня будет лучше остаться рядом с ним, и в поместье Берлуэн отправился только папенька и близнецы. Артиан остался со мной, но эта мера была необходима лишь для соблюдения приличий. И я была рада тому, что брат будет рядом, это на некоторое время отодвинуло мое одиночество в огромном дворце Данбьергского диара.

Правда, я бы покривила душой, если бы сказала, что провела этот месяц скучно. Агнар Наэль остался в поместье д'агнара Альдиса до нашей свадьбы, и его присутствие неизменно скрашивало нашу жизнь. Веселый, а порой и чересчур фривольный нрав этого человека то доводил меня до крайней степени замешательства, то заставлял хохотать, но никогда не оставлял равнодушной. Братец находился от гостя моего жениха в бесконечном восхищении. С его языка не сходило имя агнара Наэля. И даже когда его не было с на-

ми рядом, мне казалось, что сей достойный муж так и не покинул нашей компании. Арти захлебывался от восторга, когда передавал мне изречения нового знакомого. Да и сам агнар Наэль, кажется, решил взять над моим братом покровительство. Периодически они исчезали из поместья, а возвращались навеселе, шумно обсуждая свои проделки. Впрочем, стоило им завидеть меня, как лица двух гуляк принимали постное выражение, они раскланивались и спешили убраться с моих глаз, пока я не поняла, что взрослый агнар в очередной раз бессовестно развращает моего брата.

Диара я за этот месяц видела не так часто. Он занимался делами диарата, коих накопилось немало за то время, пока он был занят нашим семейством. За завтраком Аристана уже не было, он вставал гораздо раньше нас лежебок. К обеду его светлость возвращался в поместье, но к нам присоединялся нечасто, в основном, уходил в свой кабинет и продолжал работать. Зато ужин всегда проводил с нами, или же со мной, если братец и гость диара исчезали в неизвестном направлении. Не скажу, что мы вели оживленные беседы. Чаще Аристан читал, сидя в своем любимом кресле с бокалом темно-бордового вина. Я занимала кушетку, забиралась на нее с ногами и вышивала или тоже читала, исподволь наблюдая за своим женихом. Если мой взгляд становился слишком назойливым, его сиятельство отрывался от газеты или книги, смотрел на меня, и я тут же спешила опустить голову и сделать вид, что поглощена своим занятием.

– Вам удобно, Флоретта? – спрашивал меня диар. Или же: – Вы не замерзли? – Или: – Ничего не желаете? Может, распорядиться насчет чая?

– Нет, благодарю, Аристан, – неизменно отвечала я, ощущая интимность и уют этих вечерних часов.

Он смотрел на меня еще некоторое время, после возвращался к чтению, и я вновь начинала подглядывать за своим женихом. Если же неугомонные агнары присутствовали на вечерних посиделках, то д’агнар Альдис присоединялся к ним. Мужчины играли, делая символические ставки, потягивали вино, негромко переговаривались, посмеиваясь над собственными шутками. Мне же вновь доставалась роль зрителя, коей я не брезговала, получая удовольствие от своих наблюдений.

Однажды они пригласили меня к себе, но я быстро запуталась в правилах, и меня отправили «вязать свой бесконечный носок», а также указав, что «женщины опошлят любую благородную забаву своими замечаниями». Пофыркав и возмущенно посопев, я вернулась к вышивке, но вскоре усмехнулась, глядя на великовозрастных мальчишек – диара и агнара, которые на повышенных тонах обвиняли друг друга в нечестной игре. Арти переводил взгляды с одного на другого мужчину, приоткрыв рот и жадно вникая им. Закончилось все неожиданно:

– Дуэль, – потребовал Аристан.

– Я тебе уши отрежу, Альдис, – воинственно возопил аг-

нар Наэль.

– Лучше купи себе пенсне и научись играть, – высокомерно ответил диар.

– Что вы задумали? – с тревогой спросила я, вскакивая со своего места.

Меня одарили тремя недоуменными взглядами, даже мой братец взирал на меня, как на неожиданное недоразумение. Я сжала кулаки и решительно шагнула к ним. Диар взял меня за руку и повел за собой.

– Идемте, – коротко велел он.

– Да-да, пусть твоя невеста увидит, как я уделаю тебя, – жизнерадостно воскликнул Наэль.

– Опять спешишь, Одмар? – усмехнулся мой жених.

– Арти! – я обернулась к брату, ища его поддержки, но он только развел руками, показывая, что бессилён.

Мы пришли в зал, стены которого оказались увешаны оружием. Здесь я не была еще ни разу и, как только Аристан выпустил мою руку, занялась осмотром смертоносного великолепия. Впрочем, от созерцания меня отвлек звон стали. Я порывисто обернулась и вздохнула с облегчением. В руках мужчин появились рапиры, всего лишь рапиры. Диар заметил, как я выдохнула и лукаво подмигнул. Смущенно улыбнувшись, я подошла к банкетке и присела рядом с сюртуками агнаров, небрежно сброшенных на нее. Арти, встав рядом, накрыл мое плечо ладонью и воззрился на дуэлянтов.

Мужчины склонили головы, отсалютовали рапирами друг

другу и встали в стойку. Я невольно залюбовалась своим женихом и оттого пропустила начало их словесных выпадов, которые они чередовали с выпадами рапирами. А когда очнулась, услышала:

– Арис, признайся, что опять смухлевал, – требовал Одмар Наэль. – Ты всем известный плут. Если признаешься, я пощажу тебя и не унижу своей победой в поединке.

– Наэль, ты слишком самоуверен.

– Альдис, проклятье, но ты же мухлевал!

– Чем докажешь?

– Своей победой!

– Тогда победи.

– Хорошо. Тогда, если я выиграю, я требую компенсацию, которая удовлетворит мое поправное тобой самолюбие.

– И что же ты хочешь, Одмар?

– Поцелуй прелестной агнары Флоретты, – я охнула, глядя на широкую ухмылку нахального агнара.

– Не зарывайся, – холодно ответил Аристан.

– Хорошо, тогда ты сделаешь то, что отказался сделать три года назад.

– Ты был зверски пьян и только безумец встал бы тогда под дуло пистолета.

Я ощутила новый прилив тревоги. Арти с интересом внимал разговору дуэлянтов, не прервавших свой поединок ни на мгновение. Я слушала, как звякает сталь, смотрела на их быстрые перемещения и снова любовалась своим женихом,

чьи волосы взлетали от резких движений. Всегда безупречный порядок его прически был нарушен, и я отметила, что вольность в облике ему невероятно идет. Расстегнутый ворот рубахи, поддернутые рукава, в беспорядке разметавшиеся волосы – все это делало диара более человечным, более живым. Глаза его сейчас поблескивали азартом поединка, и корка льда, обычно сковывавшая взгляд, исчезла. Теперь мне было проще представить гуляку и повесу Аристана Альдиса. И мысли о его прошлом невольно заинтересовали. Я решила, что при возможности, все же расспрошу диара, когда он станет уже моим мужем.

– Но сейчас я трезв, и ты не можешь сомневаться в верности моего глаза и твердости руки, – возмутился Наэль.

– Ты хочешь оставить мою невесту вдовой еще до свадьбы? – насмешливо спросил диар.

– Арти, о чем они? – спросила я, встревожено заерзав на своем месте.

Брат пожал плечами и продолжил следить за поединком.

– Арис, я настаиваю, если выиграю я: поцелуй твоей невесты, или ты водрузишь себе на голову треклятое яблоко и дашь мне доказать тебе, что я меткий стрелок.

– Тебя так задел тот спор? – с усмешкой спросил д’агнар Альдис.

– Спать не могу, есть не могу, даже на дам смотрю через раз, вот как ты оскорбил меня недоверием! Если трусишь, я готов подставить щеку под поцелуй милой агнары Флоретты.

– Ты много на себя берешь, – уже серьезно ответил диар.

– Ты вел нечестную игру, и я имею право потребовать настоящей сатисфакции. Поцелуй или яблоко.

– Сначала победы, потом требуй, – буркнул Аристан.

Теперь я уже не упускала ни слова. Веселье перестало мне казаться таковым. Кажется, и сами мужчины разошлись не на шутку. Диар теснил агнара Наэля, уже не давая ему возможности провести контратаку. Гость его сиятельства теперь все больше оборонялся. Лицо его стало сосредоточенным, из глаз исчезло лукавство. Вдруг пальцы Арти, с волнением следившего за дуэлью, сильно сжались на моем плече, причинив боль. Я громко вскрикнула от неожиданности, и мой жених на мгновение обернулся. Этого хватило его противнику, чтобы увернуться и нанести укол в грудь.

– Туше! – восторженно закричал Одмар Наэль. – Арис, я все-таки выиграл! Я выиграл у тебя!

Нам с братом достался сердитый взгляд серых глаз. Я терла плечо, все еще ощущая пальцы брата. Агнар Берлуэн виновато посмотрел на меня и негромко произнес:

– Прости, сестрица. Я не хотел.

– Что у вас произошло? – спросил Аристан, подходя к нам.

– Я был неловок и сделал больно Флоретте, – пояснил мой братец.

– Вам нужна помощь? – спросил меня диар.

– Нет, скоро пройдет, – ответила я, но тут же поднялась

на ноги и приблизилась к д'агнару Альдису. – О чем говорил агнар Наэль? Вы теперь что-то ему должны?

– Успокойтесь, дорогая, – улыбнулся Аристан. – Ничего страшного не произойдет. Артиан, попросите принести яблоко, – обратился диар к моему брату.

– И пистолет! – крикнул довольный Наэль. – И пусть зарядить не забудут.

– Пистолет я сам заряджу, – ответил мой жених и вышел вслед за агнаром Берлуэном.

Я нахмурилась. Мне совершенно не нравилось происходящее. Я подошла к Одмару Наэлю и заглянула ему в глаза.

– Что вы собираетесь делать? – спросила я.

– Доказать одному высокомерному диару, что не только он блещет талантами, – усмехнулся агнар. – Три года назад он высмеял меня, когда я сказал, что могу сбить с головы человека яблоко. Я предложил ему проверить меня, но этот... ваш жених, забрызгал меня ядом иронии и испарился, оставив вашего покорного слугу скрежетать зубами. Арису я прощу, что угодно, но меня снедает желание ткнуть его сиятельный нос в то, что он оскорбил своего друга понапрасну.

– Так вы хотите, чтобы его сиятельство поставил себе на голову яблоко? – охнула я. – И будете в него стрелять?

– Угу, в яблоко, – кивнул агнар Наэль.

– Нет! Не надо! – испуганно воскликнула я, молитвенно складывая руки.

– И вы? Агнара Флоретта, и вы тоже не верите в меня? –

Наэль одарил меня сердитым взглядом. – Я отказываюсь с вами разговаривать до завтрашнего утра, я смертельно обижен.

Когда вернулся Арти с яблоком и диар с пистолетом, я уже извела себя и агнара Наэля мольбами отказаться от опасной затеи. Агнар Одмар стоял, заткнув уши, не желая меня слушать и не отвечая, как и пообещал. Увидев пистолет в руках Аристана, я бросилась к нему, воскликнув в порыве отчаяния:

– Ваше сиятельство, Богиня с вами, давайте я поцелую его, от меня не убудет!

Диар бросил на меня обжигающий холодом взгляд.

– Подобные заявления я слышу от вас, агнара Берлуэн, в первый и последний раз, – отчеканил он. – Наэль, идем. Здесь стрелять опасно.

Мой жених направился к дверям, я поспешила следом. Однако он остановился, ухватил меня за локоть и, дождавшись, когда нас догонят, Артиан и агнар Наэль с яблоком в руке, велел:

– Агнар Берлуэн, присмотрите за своей сестрой. Мы вскоре вернемся, ожидайте нас в гостиной.

– Но... – начала я.

– Разве мы не договорились с вами, дорогая невеста? – сухо спросил меня Аристан, глядя в глаза.

– Да, простите, – сникла я и последовала за недовольным братом, который явно сокрушался, что пропустит, как мой

жених получит пулю в лоб.

Диар и его гость свернули в противоположную от нас сторону, а братец потащил меня в указанном Аристаном направлении. Я не находила себе места, мерила гостиную шагами, пока не дошла до окна и не замерла, заметив среди деревьев слуг с канделябрами в руках. Разглядела я так же ноги агнара Наэля, а вот Аристана Альдиса за густым кустарником не увидела. Мать Покровительница! Ну что же за безумие?! Такие опасные игры, да еще и впотьмах! Что хотел доказать диар, что не ведает страха? К чему ненужная отвага, когда разговор идет о жизни? Никогда я не пойму мужской бравады...

А потом грянул выстрел. Я вскрикнула и накрыла рот ладонью. Арти прижал меня к себе, и я спрятала лицо на его плече. Брат гладил меня по спине, продолжая всматриваться в темноту за окном.

– Идут! – вдруг воскликнул он. – Оба идут, Фло. Успокойся, ты все-таки выйдешь замуж.

– Горите вы все в огне! – зло воскликнула я, вырвалась из объятий брата и бросилась прочь из гостиной.

Меня трясло от пережитого волнения, от страха и гнева. Закрывшись в своей комнате, я дала волю слезам, а спустя некоторое время в дверь раздался стук.

– Флоретта, откройте.

Вытерев слезы, я открыла дверь и посмотрела на диара. Он развернул меня, взял за плечи и подвел к кушетке. После

усадил и сел рядом, взяв за руку.

– Вы испугались, – сказал мужчина, я промолчала. Разговаривать ни с кем из участников несостоявшегося убийства не хотелось, включая и моего братца. – Одмар – лучший стрелок из всех, кого я знаю. Поверьте, если бы я не был в нем уверен, я бы не подставился под пулю. Разумеется, и требование с поцелуем не удовлетворил бы.

– Он выиграл в дуэли, этого было достаточно, – ответила я.

– Достаточно, но он бы не отвязался, – сказал Аристан. – Я устал уже слушать его причитания о недоверии. Теперь агнар Наэль угомонится.

– Это было страшно, – всхлипнула я. – Еще и в темноте.

– Он с завязанными глазами не промахивается, – улыбнулся его сиятельство. – Мне ничего не угрожало, я был в этом уверен.

Я подняла на взгляд на своего жениха и выпалила:

– Когда я стану вашей женой, я запрещу вам рисковать жизнью ради забавы.

– Своей супруге я не смогу отказать, – его улыбка стала шире.

Мужчина поднес мою руку к губам, но поцеловал в этот раз ладонь, чем привел меня в замешательство.

– Вы прощаете нас? – спросил диар.

– Я все еще злюсь, – проворчала я.

– Чем мы можем загладить свою вину? – он склонил го-

лову к плечу, и я невольно улыбнулась.

– Вы будете меня слушаться, – ответила я. – Агнар Наэль не разговаривает со мной до завтрашнего утра, я продлеваю молчание до завтрашнего вечера. С братцем я буду иметь разговор лично.

– Вы загоняете меня под каблук, Флоретта? – с наигранным ужасом спросил Аристан. Я смутилась, и мужчина вдруг провел по моей щеке тыльной стороной ладони. – Но мне приятно, что вы волновались за меня. Вернетесь в гостиную?

Я отрицательно покачала головой.

– Пожалуй, лягу спать.

– Отдыхайте, драгоценная моя, – он снова поцеловал мне руку и покинул мои комнаты. Утром под дверями я обнаружила три корзины цветов с записками. Мужчины приносили мне извинения. Агнар Наэль развлекал весь день, как только мог. Я смеялась, но разговаривать начала не раньше вечера. Я тоже могу быть упорной.

Утро перед свадьбой я решила провести в седле. Мой учитель верховой езды больше не посещал меня, и зачастую компанию мне составлял брат, иногда к нам присоединялся агнар Наэль. Но сегодня мне хотелось одиночества. Спустившись в конюшню, я попросила сделать Золотце. Моя лошадка встретила меня фырканием. Улучив момент, она ткнулась мне в ладонь, пощекотала мягкими теплыми губами и разочарованно отвернула морду.

– В этой руке, – рассмеялась я, добывая вторую руку из-

за спины и показывая Золотцу прихваченное яблоко.

Вскоре я восседала на своей лошадке. Уже отъехав от конюшни, я бросила взгляд на дворец. Окна его были пусты и безмолвны. Никто не наблюдал за мной, никто не спешил увещевать, что невесте перед свадьбой стоило бы предаваться мыслям о своем будущем супружестве, а не кататься на лошади. Умиrotворенно вздохнув, я отвернулась и пустила Золотце рысью.

Было приятно осознавать, что мое воспитание окончено. Некоторые из учителей еще приходили, но большую часть времени я была уже предоставлена собственным удовольствиям. Папенька также больше не будет указывать мне. Правда, теперь вместо него это будет делать мой супруг, и еще стоит задуматься, кто строже. И всё-таки муж – это муж... Ох, Богиня, сегодня у меня появится муж, самый настоящий, не выдуманный в девичьих грезах. Мое имя изменится, и мужчина, о котором мечтало столько женщин, станет безраздельно моим.

Представить, что диар будет принадлежать мне, оказалось столь же сложно, как начать себя считать хозяйкой этого поместья. На мгновение меня охватило волнение, но уже через несколько минут я вновь была спокойна. Все-таки за этот месяц я уже почти привыкла называть дом моего жениха своим домом. Даже одна из моих горничных дня два или три назад оговорилаcь, назвав меня «ваше сиятельство». После чего мы обе застыли в недоумении. Стоит признать, диар

неплохо приучил всех нас воспринимать помолвку, как уже свершившуюся свадьбу. Должно быть, именно поэтому я и считала сам обряд лишь шагом, который требуют законы человеческий и Матери Покровительницы.

Выехав за ворота с монограммой моего жениха, свитой причудливой вязью, я направила Золотце в сторону чудесного луга, который полюбился мне во время конных прогулок. Однако свернула к роще, так и не доехав до него. Лошадь вновь шла шагом, а я любовалась деревьями, в кронах которых уже начинали появляться желтеющие листья.

От созерцания меня отвлек топот копыт. Я обернулась к дороге, видневшейся между стволами деревьев. Это был Гром – жеребец диара. Его сиятельство промчался мимо, кажется, не увидев меня, и я даже обрадовалась этому. На компании я сейчас не настаивала, хотелось краткого уединения. Однако до меня донеслось ржание Грома, и топот копыт снова приблизился, меня все-таки заметили.

– Флоретта?! – Аристан был заметно удивлен. – Что вы тут делаете? Вновь решили сбежать, ветренная девица? Учтите, я все равно найду вас и женюсь, даже если вы скроетесь в Прибежище дочерей Матери Покровительницы.

Я рассмеялась, глядя на искры веселья в глазах моего жениха, но смех сам собой оборвался, и я отвернулась, пряча внезапную досаду. Его слова были бы приятны, если бы за ними скрывалось нечто большее, чем то, что было между нами. Не удержавшись, я ответила:

– Ваше сиятельство не любит проигрывать и доводит задуманное до конца. Потому сбежать и прятаться в Прибежище в моих мыслях не было. Я всего лишь хотела немного развеяться.

Диар перестал улыбаться и посмотрел на меня уже серьезно. А я... я довела свою речь до конца:

– К тому же вы столько сил, времени и средств потратили на мое семейство ради этого брака, что сбежать было бы верхом неблагодарности.

– Так вы из одной только благодарности переживаете за меня, печетесь об удобстве и готовы ответить на все мои требования согласием? – совсем холодно спросил Аристан.

– Безусловно, ваше сиятельство, – склонила я голову. – Вы желали иметь послушную жену, которая будет уважать вас и заботится о вашем благе, не помышляя о большем. И мой долг ответить на ваши чаяния.

Мужчина еще некоторое время смотрел на меня, после чему-то невесело усмехнулся и ответил:

– Вы совершенно правы, агнара Берлуэн. Благодарю вас за то, что вы все помните и все понимаете. Да, я привык доводить начатое до конца. И приложил немало усилий для этой свадьбы. Так идемте же и станем, наконец, мужем и женой.

Не знаю почему, но мне показалось, что я только что уничтожила нечто хрупкое, что зажгло взгляд диара несколько минут назад. Сейчас он вновь был невозмутим и собран. Глаза подернулись знакомой корочкой льда и слова, произнесен-

ные им в следующее мгновение, были, как всегда вежливы, но лишены той игривости, которую я имела счастье увидеть, когда мужчина подъехал ко мне.

– Я только что из поместья Берлуэн. Ваш папенька и сестры уже, должно быть, выехали.

– Я скучаю по ним, – вздохнула я. – За все время, что прожила у вас, я виделась с ними всего пять раз.

– Мы с вами не покидаем диарат, и видеться с родными вы можете сколько угодно. Краткая поездка в столицу, а после можете навещать их хоть каждый день, – Аристан пожал плечами и в мою сторону больше не оборачивался.

Молчание становилось тягостным. Я чувствовала вину и никак не могла понять за что. Его сиятельство не выглядел ни обиженным, ни сердитым, ни раздосадованным. Напротив, лицо его было спокойно, но неприятное чувство вины не давало мне покоя. Измучившись поиском тем для беседы, я спросила то, о чем думала, однако еще ни разу не позволила себе быть слишком любопытной.

– Аристан, – позвала я.

Диар обернулся ко мне, и в глазах его отразилось вежливое внимание.

– Отчего вы не женились раньше? Разве же не нашлось девушки, с которой вам бы хотелось войти в храм?

Бровь д'агнара Альдиса насмешливо изогнулась, и я смущенно потупилась.

– Я был уже помолвлен, Флоретта, – ответил мужчина. –

Давно, пятнадцать лет назад. Но помолвка была расторгнута.

– Почему? – удивилась я и прикусила язык.

– Я нашел причину, – усмехнулся диар и подмигнул, как мне показалось, издевательски. – Я ведь не только испорченный и бесчестный человек. А еще и находчивый, вы же знаете.

– Знаю, – шепотом отозвалась я и искоса взглянула на своего жениха. – И всё-таки...

– Смотрите-ка, ваш добрый друг – инар Рабан, – перебил меня Аристан. – Вы готовы к новой порции поклонения? Или же мне побыть неподалеку, чтобы спасти вас от восторгов мастера?

– Побудьте неподалеку, – решила я, опасаясь реакции портного.

Диар хмыкнул и согласно кивнул:

– Будь по-вашему, Флоретта. Не долг ли мужа защищать свою жену?

– Кажется, именно так велит Брачный завет Матери Покровительницы, – улыбнулась я. – Жене же велит заботиться о благе своего супруга.

– У вас это замечательно получится, я уверен, – склонил голову его сиятельство. – Тогда исполним Завет Богини. И первым буду я.

Мы въехали в ворота, не спеша обогнать карету инара Рабана, и, не доехав до дворца, свернули к конюшням. Перед воротами конюшни д'агнар Альдис спешился, после помог

спешиться мне. Конюхи забрали Золотце и Грома, а мы с диаром направились к его дворцу. Моя рука покоилась на сгибе локтя жениха, и со стороны мы, наверное, смотрелись мило. На мгновение я представила, что свадьба уже прошла, и я держу под руку своего супруга. Эта мысль мне так понравилась, что я даже напустила на себя важности, но не удержалась и прыснула в кулачок. Аристан покосился на меня, но ничего не стал спрашивать. Я подавила нелепый смех, строила серьезную мину, однако снова рассмеялась.

– Кхм, – кашлянул диар.

– Это от волнения, – произнесла я, заметив его вопросительный взгляд. – Со мной все хорошо.

– Сложно спорить, – усмехнулся мой жених.

Когда мы подошли к парадной лестнице, по которой поднимался инар Рабан со своими помощниками, несшими мой свадебный наряд, диар вдруг преобразился, бережно снял со своей руки мою ладонь, поцеловал ее и отпустил. После раскинул руки, жизнерадостно воскликнув:

– Инар Рабан, какая удача, что я вас увидел именно сейчас!

– Ваше сиятельство, агнара Берлуэн, – с достоинством поклонился нам портной. – Чем могу служить вам, д’агнар Альдис?

Мой жених взбежал по ступеням, обнял за плечи почтенного мастера и потянул за собой:

– Идемте же, мне нужен ваш совет, – говорил диар, все

больше разделяя инара Рабана и нас с платьем.

– Но... – попытался заупрямиться мастер.

– Дело касается моей дражайшей невесты, – понизив голос, сообщил инару Аристан. – Уж в этом-то деле вы не позволите мне полагаться только на свой вкус.

И направил на портного такой доверительный взгляд, что мне захотелось захлопать в ладоши и крикнуть: «Браво, ваше сиятельство!». Инар Рабан растерянно посмотрел на меня, после на своих помощников, снова на меня. Затем перевел взгляд на диара и махнул рукой:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.